

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

POWER
a RADICAL
VIEW

STEVEN LUKES

SECOND EDITION

Palgrave, Macmillan
NEW YORK, 2005

ВЛАСТЬ: РАДИКАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

СТИВЕН ЛЬЮКС

Перевод с английского
АЛЕКСАНДРА КЫРЛЕЖЕВА

Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики
МОСКВА, 2010

УДК 321.01
ББК 66.0
Л91

Составитель серии и научный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

- Л91 **Льюкс, С.**
Власть: Радикальный взгляд [Текст] / пер. с англ.
А. И. Кырлежева; Гос. ун-т — Высшая школа экономи-
ки. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономи-
ки, 2010. — 240 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. —
ISBN 978-5-7598-0738-4 (в пер.).

Предлагаемая работа Стивена Льюкса, на протяжении более
чем трех десятилетий пользующаяся репутацией классической,
посвящена одному из ключевых и наиболее спорных понятий
политической теории. Настоящий перевод, выполненный по вто-
рому английскому изданию книги, включает также два новых
очерка, в которых автор критически рассматривает новейшие
подходы к изучению власти и пересматривает свой собственный
первоначальный подход.

ISBN 978-5-7598-0738-4 (рус.)
ISBN 0-333-42092-6 (англ.)

УДК 321.01
ББК 66.0

Second edition © Steven Lukes 2005
© Перевод на рус. яз., оформление.
Издательский дом Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	8
ВВЕДЕНИЕ	9
I. ВЛАСТЬ: РАДИКАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД.....	25
ВВЕДЕНИЕ	27
ОДНОМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД	29
ДВУМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД	34
ТРЕХМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД	41
ПОДРАЗУМЕВАЕМОЕ ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ	48
ВЛАСТЬ И ИНТЕРЕСЫ	58
СРАВНЕНИЕ ТРЕХ ВЗГЛЯДОВ НА ВЛАСТЬ	59
ЗАТРУДНЕНИЯ	73
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	87
II. ВЛАСТЬ, СВОБОДА И РАЗУМ	89
РАЗНОГЛАСИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО «ВЛАСТИ»	92
ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ	103
КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СХЕМА	110
ВЛАСТЬ КАК ГОСПОДСТВО	125
ФУКО О ВЛАСТИ: УЛЬТРАРАДИКАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД	129
ПРИКЛАДНОЙ ФУКО: ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОБРОВОЛЬНОГО СОГЛАСИЯ	143
III. ТРЕХМЕРНАЯ ВЛАСТЬ	155
ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВЛАСТИ	158
В ЗАЩИТУ ТРЕТЬЕГО ИЗМЕРЕНИЯ	179
АДАПТИВНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ	192

Стивен Льюкс. Власть: Радикальный взгляд

«РЕАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ» И «ЛОЖНОЕ СОЗНАНИЕ»	205
ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ ДАЛЬНЕЙШЕГО ЧТЕНИЯ	216
БИБЛИОГРАФИЯ	222

ВВЕДЕНИЕ

Тридцать лет назад я опубликовал небольшую книжку, озаглавленную «Власть: радикальный взгляд» (далее: *ВРВ*). Это был вклад в тогдашнюю дискуссию в основном среди американских политологов и социологов, касающуюся интересного вопроса: как мыслить власть теоретически и как изучать ее эмпирически? Однако в основе этой дискуссии лежал другой вопрос: каким образом характеризовать американскую политику — как подчиненную правящей элите или как выражающую плюралистическую демократию? И было ясно, что ответить на второй вопрос невозможно без ответа на первый. Я считал и считаю, что мы должны мыслить власть более широко — в трех измерениях, а не в одном или двух, и что нам следует учитывать те ее аспекты, которые менее всего поддаются наблюдению, ибо власть, без сомнения, тем эффективнее, чем менее она заметна.

Вопросы безвластия и господства, а также их соотношения были в центре той дискуссии, в контексте которой была написана *ВРВ*. В 1950-е и 1960-е годы особенно активно обсуждались две книги: «Властвующая элита» Ч. Райта Миллса (Миллс 1959) и «Властная структура общества: исследование принимающих решения» Флойда Хантера (Hunter 1953). Первая из них начиналась такими словами:

Сфера приложения сил и возможностей обыкновенных людей ограничена миром их повседневных дел и забот, но даже в этом кругу, замыкающемся профессиональной работой, семейными и соседскими отношениями, они часто оказываются во власти таких внешних сил, которые они не могут ни понять, ни подчинить себе (Миллс: 1959: 5).

Но не все люди, продолжает Миллс, «являются обычными в этом смысле»:

С централизацией средств информации и политической власти некоторые лица достигли в американском обществе такого положения, которое дает им возможность взирать на обыкновенных людей, так сказать, сверху вниз и своими решениями оказывать могущественное влияние на их повседневную жизнь... Властвующая элита состоит из людей, занимающих такие позиции, которые дают им возможность возвыситься над средой обыкновенных людей и принимать решения, имеющие крупнейшие последствия. Принимают ли они эти решения или нет — это менее важно, чем самый факт владения такими ключевыми позициями; их уклонение от известных действий и решений само по себе является действием, зачастую влекущим за собой более важные последствия, чем решения, которые они принимают. Это обусловлено тем, что они командуют важнейшими иерархическими институтами и организациями современного общества. Они руководят крупными корпорациями, они управляют механизмом государственной власти и претендуют на ее прерогативы. Они направляют деятельность военного ведомства. Они занимают в социальной системе стратегические командные пункты, в которых ныне сосредоточены действенные средства, обеспечивающие власть, богатство и известность, которыми они пользуются (Миллс 1959: 5–7).

Книга Миллса была одновременно острополемиической и научной. Алан Вулф в своем послесловии к ее переизданию, которое вышло в свет в 2000 году, справедливо замечает, что «страстная убежденность Миллса позволила ему достичь лучшего научного понимания американского общества, чем у его более объективных и взвешенных современников», хотя его анализ, конечно, можно критиковать за недооценку тех последствий, которые имеют для власти и контроля элиты «стремительные технологические трансформации, острая глобальная конкуренция и постоянно изменяющиеся потребительские вкусы». И все же он был, по словам Вулфа, «ближе к цели», нежели те, кто придерживался преобладавшего в социальной науке той эпохи «плюс-

ралистического» подхода (идеи, что «концентрацию власти в Америке не следует считать чрезмерной, так как одна группа всегда уравновешивает власть других») и представления о «конце идеологий» (идеи, что «великие страсти по идеям улеглись», а потому «для решения наших проблем мы нуждается лишь в технической экспертизе») (см.: Wolfe 2000: 379, 370, 378).

В книге Хантера, хотя и гораздо более сдержанной и специальной по стилю (Миллс называл ее «квалифицированной книгой», написанной «честным исследователем, который не обманывает себя дурным писанием»), содержались суждения, близкие высказываниям Миллса о контроле со стороны элиты и относящиеся к локальному уровню американского общества. Это исследование «механизмов руководства в городе с полумиллионным населением, который я назвал Региональным городом». Он пришел к выводу, что

под контролем тех, кто принимает решения, находится вполне определенный круг вопросов... Часто в более старых группировках требования перемен не столь сильны или постоянны, и руководители не считают необходимым идти к людям с каждым небольшим изменением. Способ манипуляции сформировался... обычный человек в общине «желает», чтобы процесс шел. Внимание переносится с менее масштабных проблем на решение более важных... Подчинение людей решениям властных инстанций становится обычным делом... Метод обращения с относительно бессильными низами... предупреждение, запугивание, угрозы и в крайних случаях принуждение силой. Иногда этот метод предполагает изоляцию от всех источников поддержки, включая работу и, соответственно, доход человека. Принцип «разделяй и властвуй» так же применим к местной общине, как и к более масштабным политическим сообществам, и столь же эффективен... высокопоставленные лидеры, как правило, пребывают в сущностном согласии по главным вопросам, связанным с основными идеологиями культуры. В настоящее время основным системам ценностей со стороны представителей низших классов ничто не угрожает...

Индивиды, принадлежащие к основной массе населения Регионального города, не имеют голоса при определении политики. Они составляют молчаливую группу. Специалисты низшего уровня иногда могут высказываться о политике, но их голос обычно остается неслышанным. Гораздо больше информации спускается сверху вниз, чем поступает снизу вверх.

Так, например, Хантер описывает, как «люди, обладающие реальной властью, контролируют расходование средств, ассигнованных государственным и частным агентствам, которые реализуют в общине программы по здравоохранению и социальному обеспечению», и как различные ассоциации в общине, «от клубов, практикующих совместные ланчи (luncheon clubs), до братств... контролируются людьми, которые используют свое влияние окольным путем — что можно обозначить выражением «быть практичным» (being practical), — чтобы не допускать публичных дискуссий по любым вопросам, кроме тех, что одобрены властной группировкой» (Hunter 1953: 246–249).

Эта впечатляющая картина господства элиты над беспомощным населением вызвала реакцию со стороны группы политологов и теоретиков Йельского университета. В своей статье «Критика модели правящей элиты», опубликованной в 1958 году в журнале *American Political Science Review*, Роберт Даль был язвителен и жёсток. Он писал:

Примечательно и весьма удивительно, что ни профессор Миллс, ни профессор Хантер не удосужились проверить свою основную гипотезу на серьезном материале, изучив достаточное количество специфических казусов. И я думаю, что эти две работы — более чем какие-либо другие в области социальных наук в последние несколько лет, — представляют собой стремление интерпретировать сложные политические системы как, по существу, примеры деятельности правящей элиты.

Даль выступил с прямой критикой, и ясно было, что нужно было сделать.

Гипотеза о существовании правящей элиты может быть подтверждена только в том случае, если:

1. Гипотетическая правящая элита образует четко определенную группу;
2. Налицо изрядное количество случаев принятия ключевых политических решений, когда предпочтения гипотетической правящей элиты входят в противоречие с предпочтениями какой-либо другой подобной группы, существование которой можно предположить;
3. В подобных случаях предпочтения элиты регулярно одерживают верх. (Dahl: 1958: 466)

Эта критика и предложенная методология были реализованы в классической работе Даля «Кто управляет?» (Dahl 1961), в которой исследовались власть и принятие решений в Нью-Хейвене в 1950-х годах. Она породила целую литературу о функционировании власти в местных сообществах (community power studies). Критика касалась «модели правящей элиты» и более широко — связанной с нею и вдохновленной марксизмом идеи «правлящего класса». Использовалась «бихевиоралистская» методология с особым вниманием к вопросу принятия решений. Это, по существу, означало отождествление власти с ее осуществлением (вспомним, как Миллс писал, что в действительности принятие решений менее важно, чем обладание возможностью принимать решения). Здесь власть понимается (в противовес тому, что эти ученые считают небрежностью Миллса и Хантера) как то, что относится к некоторым, отдельным, обособленным вопросам, и как то, что связано с локальным контекстом ее осуществления. И поэтому исследовать требуется следующее: какой властью обладают соответствующие акторы в отношении избранных ключевых вопросов в этом месте и в это время? Под ключевыми вопросами понимаются такие, которые затрагивают значительное количество граждан — у Даля это реконструкция городских зданий, ликвидация сегрегации в школе, вы-

движение партиями кандидатов на выборы. Власть здесь осмысливается как интенциональная и активная: она «измеряется» посредством изучения ее осуществления — через установление, с какой частотой и кто побеждает или проигрывает в ходе решения соответствующих вопросов, то есть выяснение того, кто берет верх в ситуации принятия решений. Эти ситуации суть ситуации конфликта интересов, а интересы понимаются как публичные предпочтения, заявленные на политической арене политическими акторами, использующими политические трибуны или лоббистские группы. И осуществление власти состоит в преодолении противостояния, то есть в победе над выразителями иных предпочтений. Главные выводы, которые содержатся в такого рода литературе, обычно именуются «плюралистическими»: например, заявляется, что поскольку различные акторы и различные группы интересов одержали победу в различных ситуациях, требующих принятия решений, то и не существует никакой «правлящей элиты» вообще, а распределение власти является плюралистическим. В целом эти работы имели целью проверить на прочность американскую демократию на локальном уровне и продемонстрировать положительный результат, обнаружив множество различных победителей в различных ключевых вопросах.

И методологические вопросы (как мы должны определять и исследовать власть?), и главные выводы (насколько демократическим или плюралистическим является ее распределение?), равно как и связь между ними (предопределяет ли методология выводы? препятствует ли она иным выводам?) стали предметом полемики, которая развернулась позднее. Критики по-разному рассматривали благостную картину плюралистической демократии (Duncan and Lukes 1964, Walker 1966, Bachrach 1967), выражали сомнения в точности ее описания (Morriss 1972, Domhoff 1978). Оппоненты также критически отнеслись к «реалистической» (в противоположность «утопической»), минимально требовательной концепции

«демократии», которой придерживались плюралисты. Согласно этой концепции, демократию следует понимать просто как метод, обеспечивающий, говоря словами одного из критиков, «ограниченную и мирную конкуренцию между членами элиты за занятие формальных руководящих позиций внутри системы» (Walker 1966 in Scott (ed.) 1994: vol. 3: 270). Источник «реалистической» концепции — ревизия «классических» взглядов на демократию, проведенная Йозефом Шумпетером. Согласно Шумпетеру и его последователям-плюралистам, демократию теперь следует рассматривать как «такое институциональное устройство для принятия политических решений, в котором индивиды приобретают власть принимать решения путем конкурентной борьбы за голоса избирателей» (Шумпетер 1995: 247). Критики плюралистов — неудачно прозванные «неоэлитистами» — в ответ говорили, что такое видение демократии является слишком уж неамбициозным и, по сути, элитистским, что представление о равенстве власти здесь «слишком узкое» (Bachrach 1967: 87), как, собственно, и само понятие *власти*. У власти, доказывали Питер Бахрах и Мортон С. Барац, есть и «второе лицо», которого плюралисты не видят и которое невозможно обнаружить, используя их методы исследования. Власть не только находит свое отражение в конкретных решениях; исследователь должен также принимать во внимание и такую возможность, когда некая личность или ассоциация сводит принятие решений к относительно непротиворечивым вопросам, оказывая влияние на ценности сообщества, политические процедуры и ритуалы, несмотря на наличие в этом сообществе серьезных, но скрытых конфликтов.

Таким образом, «в той мере, в какой личность или группа — сознательно или бессознательно — создает или увеличивает препятствия для публичного обсуждения политических конфликтов, эта личность или группа обладает властью» (Bachrach and Baratz 1970: 8). И в подтверждение этой идеи они приводят красноречивое высказывание Шаттснайдера:

Все формы политической организации имеют предрасположенность к использованию одних конфликтов и подавлению других, потому что *организация есть мобилизация предрасположенностей*. Одни проблемы включены в политику, тогда как другие исключены из нее (Schattschneider 1960: 71).

Но это поднимает новые вопросы. Как исследователь должен изучать такое «влияние» (которое они называют «не связанным с принятием решений») — особенно если оно заключается во вне закулисного определении повестки, в инкорпорации или кооптации потенциальных противников и тому подобном и, кроме того, может быть «бессознательным» и включать влияние на «ценности» и последствия «ритуалов»? После контратаки плюралистов Бахрах и Барац немного отступили и стали утверждать, что для обнаружения второго лица власти всегда должен наличествовать наблюдаемый конфликт; при его отсутствии можно лишь допустить наличие «консенсуса относительно преобладающих ценностей». Если нет наблюдаемого конфликта (открытого или скрытого), значит, «консенсус» следует считать «подлинным». Но зачем исключать вариант, когда власть может осуществляться таким образом, что достигается согласие и предотвращается возникновение конфликта?

Это соображение наряду с идеей Шаттшнайдера о «предрасположенности» системы к подавлению латентных конфликтов невольно напоминает о марксистском понятии идеологии и, в частности, о той разработке, которое оно получило в «Тюремных тетрадах» Антонио Грамши, где он пишет о «гегемонии» (*egemonia*)¹. Находясь в тюремной камере в фашист-

¹ Разрабатывая свою идею, Грамши опирался на Маркса и Энгельса, которые утверждали, что «мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального

ской Италии и осмысляя неудачу революции на Западе, Грамши задался вопросом: чем обеспечивается согласие с капиталистической эксплуатацией в современных условиях, в частности, в условиях демократии? Как понимать такое согласие? Ответ Грамши на этот вопрос вызывал значительный интерес в 1960-е годы по обе стороны Атлантики и получил множество интерпретаций. Согласно одной из них, идея Грамши состояла в том, что «в современных общественных формациях Запада» именно «культура» или «идеология» представляют собой «способ классового господства, обеспеченного согласием» (Anderson 1976–1977: 42) посредством монополии буржуазии на «идеологические аппараты» (Althusser 1971). Грамши, как писал Фемиа (Femia 1981),

ухватился за идею, которая была маргинальной (или, по крайней мере, находилась в зачаточном состоянии) в более ранней марксистской мысли, раскрыл ее возможности и сделал центральной идеей своей собственной мысли. Таким образом, он переориентировал марксистский анализ, направив его в долгое время пренебрегаемую — и безнадежно ненаучную — сферу идей, ценностей и верований. Точнее, он обнаружил то, чему предстояло стать главной темой второго поколения марксистов-гегельянцев (то есть Франкфуртской школы): процесс интернализации буржуазных отношений и, как следствие, сокращения революционных возможностей.

Согласно Фемиа, «когда Грамши говорит о согласии, он имеет в виду *психологическое* состояние, включающее в себя некоторое принятие — не обязательно явное — социально-политического устройства или определенных жизненных аспектов этого устройства». Согласие

производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу» (Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3: 45). Об идее гегемонии у Грамши см.: Williams 1965 и Bates 1975.

является добровольным, и его интенсивность может варьироваться:

На одном полюсе оно может проистекать из глубокого чувства долга, из всецелой интернализации господствующих ценностей и определений; на другом — как раз из их неполного усвоения, из смутного чувства, что статус-кво, каким бы позорно несправедливым он ни был, тем не менее представляет собой единственную жизнеспособную форму общества. Что касается Грамши... остается неясным, о какой общественной группе или группах он говорит (Femia 1981: 35, 37, 39–40).

Согласно альтернативной, не концентрирующей на культуре интерпретации, идеологическая гегемония Грамши имеет материальный базис и состоит в координации реальных или материальных интересов господствующей и подчиненной групп. Ибо, по мнению Пшеворского, если «идеология призвана направлять людей в их повседневной жизни, она должна выражать их интересы и устремления. Несколько человек могут ошибаться, но в массовом масштабе обман не может сохраняться бесконечно долго»². Поэтому «согласие» наемных работников с капиталистической организацией общества состоит в продолжающемся, постоянно обновляемом классовом компромиссе, когда «ни совокупность интересов индивидуальных капиталов, ни интересы организованных наемных работников не могут быть нарушены сверх определенной меры». Более того,

согласие, лежащее в основе воспроизводства капиталистических отношений, формируется не за счет инди-

² В этой связи Стивен Холмс напомнил мне о пронизательном замечании Йозефа Шумпетера относительно слов Линкольна, что невозможно все время одурачивать всех людей: достаточно дурачить их короткое время, потому что история «состоит из последовательных краткосрочных ситуаций, которые могут в корне изменить ход событий» (Шумпетер 1995: 349).

видуальных умонастроений, а за счет характерных поведенческих особенностей организаций. Его не следует понимать психологически или морально. Согласие является когнитивным и поведенческим. Неверно думать, что у социальных акторов, индивидуальных и коллективных, уже есть некие «предрасположенности», которые они просто актуализируют. Социальные отношения образуют структуры выбора, в рамках которых люди понимают, оценивают и действуют. Они соглашаются, когда выбирают определенные направления действия и следуют своему выбору на практике. Наемные работники соглашаются с капиталистической организацией общества, когда они действуют так, как если бы они могли улучшить свои материальные условия в рамках капитализма.

Так понимаемое согласие «соответствует реальным интересам соглашающихся», оно всегда обусловлено, и существуют пределы, за которыми его может и не быть, «за этими пределами возможны кризисы» (Przeworski 1985: 136, 145–146)³.

Вопросы, на которые обещала дать ответы гегемония Грамши, стали актуальными в начале 1970-х, когда была написана *BPB*. Как объяснить живучесть капитализма и сплоченность либеральных демократий? Где те пределы согласия, за которыми возможны кризисы? Переживают ли капиталистические демократии «кризис легитимации»? В чем заключается роль интеллектуалов, ставящих под вопрос статус-кво? Входят ли революция и социализм в историческую повестку дня на Западе и если да, то где и в какой форме? В Соединенных Штатах политика различных общественных движений — за свободу слова и гражданские права, антивоенных, феминистских и иных — стала опровержением тезиса о конце идеологии и поставила под вопрос плюрали-

³ Трудно сказать, чья интерпретация лучше. Текст Грамши напоминает утку и кролика у Витгенштейна (посмотришь так — утка, посмотришь иначе — кролик), что связано с обстоятельствами, в которых был написан текст.

стическую модель. В Великобритании в эти годы под сомнение были поставлены как классовый компромисс, так и управляемость государства, а в континентальной Европе еврокоммунизм на Западе и диссиденты на Востоке, как опять же казалось, придали новый импульс старым устремлениям, и неомарксистская мысль — гегельянская, альтюссеррианская и, конечно, грамшианская — переживала возрождение, хотя почти исключительно в академических кругах.

Именно в контексте такой исторической конъюнктуры (если использовать характерное выражение того времени) и была написана *ВРВ*. Сегодня вполне можно утверждать, что основной, центральный вопрос, которому был посвящен этот небольшой текст — как обеспечивается добровольное согласие с господством? — стал еще более уместным и требующим ответа. На смену рейганизму в США и тэтчеризму в Британии после падения коммунизма пришло необычайно широкое распространение неолиберальных концепций по всему миру (см.: Peck and Tickell 2002). Если это особо масштабный пример «гегемонии», то для правильного понимания ее влияния нужно среди прочего найти соответствующий способ осмысления власти и, в частности, обращения к проблеме, удачно сформулированной Чарльзом Тилли: «Если обычное господство столь последовательно ущемляет вполне определенные интересы подчиненных групп, почему они на это соглашаются? Почему они все время не восстают или, по крайней мере, не оказывают постоянного сопротивления?».

Тилли составил полезный список возможных ответов на эти вопросы:

1. Исходная посылка неверна: на самом деле подчиняющиеся все время восстают, но неявным образом.
2. Подчиняющиеся в действительности получают нечто в обмен на свое подчинение, и этого достаточно для того, чтобы они почти всегда уступали.
3. Стремясь к другим ценностям, таким как уважение или обретение идентичности, подчиняющиеся ока-

зываются вовлечены в системы, которые их эксплуатируют или подавляют (в некоторых вариантах п. 3 тождественен п. 2).

4. Вследствие мистификации, подавления или просто недоступности альтернативных идеологических рамок подчиняющиеся так и не осознают свои истинные интересы.
5. Подчиняющихся удерживает от действия сила или инерция.
6. Сопrotивление и восстание стоят дорого; у большинства подчиняющихся нет необходимых средств.
7. Все вышеприведенные причины.

(Tilly 1991: 594).

Этот перечень требует некоторых комментариев. Ясно, что п. 7 верен: другие ответы не следует рассматривать как исключающие друг друга (или исчерпывающиеся в своей совокупности). Так, п. 1, как мы увидим, обращает внимание на важный аспект повседневного скрытого и зашифрованного сопротивления (которое исследует, к примеру, Джеймс Скотт⁴), но вряд ли (вопреки Скотту) этим все и ограничивается. П. 2 (как следует из материалистической интерпретации идей Грамши, предложенной Пшеворским) во многом объясняет живучесть капитализма, но также — следует добавить — и любой социально-экономической системы. Пп. 2 и 3 вместе указывают на то, что важно обращать внимание на множественные, взаимодействующие и конфликтующие интересы акторов. Эти пункты также поднимают спорный и фундаментальный вопрос, касающийся противопоставления материалистской и плюралистской интерпретаций: являются ли материальные интересы более значимыми для объяснения индивидуального поведения и коллективных результатов чем, скажем, интересы, связанные с «уважением» или «идентичностью»? И если являются, то в каких случаях? Но именно пп. 4, 5 и 6 относятся собственно к власти и способам ее осуществления. Как отмечает Тилли, п. 5 делает

⁴ Подробнее об этом см. ниже в гл. III.

акцент на принуждении, а п. 6 — на недостатке ресурсов. Однако п. 4 подчеркивает так называемое «третье изменение» власти — власть «предотвращать в любой степени недовольство людей, формируя их представления, познания и предпочтения таким образом, чтобы они согласились с отведенной им ролью в существующем порядке вещей». Именно признанию этого и посвящена *ВРВ*, а в главе III настоящей книги соответствующая аргументация получает дальнейшее развитие. Автор этой книги как был ранее, так и сейчас убежден в том, что адекватное понимание власти невозможно, если не рассматривать этот ее тип.

ВРВ представляла собой *очень* небольшую книжку, однако она вызвала на удивление много комментариев, по большей части критических, с самых разных сторон, как в академическом, так и в политическом пространстве. Реакции на нее продолжают появляться, и это стало одной из причин того, что я уступил настоятельным просьбам издателя переиздать этот текст с присовокуплением материалов, в которых пересматривается прошлая аргументация и более подробно сама эта, довольно обширная, тема. Вторая причина переиздания заключается в том, что ошибки и неточности, содержащиеся в *ВРВ*, на мой взгляд, являются довольно показательными и обнаруживают себя в тексте, который делает их очевидными (ибо, как замечал натуралист XVII века Джон Рей, «тот, кто использует много слов для объяснения какого-либо вопроса, прячет себя, как каракатица, в своих собственных чернилах»). Поэтому я решил воспроизвести изначальный текст практически без изменений, добавив это предисловие, которое его контекстуализирует.

За изначальным текстом следуют еще две главы. Первая из них (гл. II) расширяет обсуждение, помещая переизданный текст и содержащиеся в нем утверждения в концептуальное пространство власти. Глава начинается с вопроса, нужно ли нам вообще понятие вла-

сти, если иметь в виду бесконечные разногласия относительно ее определения и изучения? А если нужно, то зачем оно — какую роль оно играет в нашей жизни? Я доказываю, что эти разногласия имеют значение, ибо от нашего понимания власти зависит, сколько власти мы видим в социальном пространстве и где мы ее локализуем. Кроме того, эти разногласия в какой-то мере являются моральными и политическими, что неизбежно. Однако тема *ВРВ* и большей части книг и мыслей о власти — более специфическая: она касается власти над другим или другими, а конкретнее, власти как господства. *ВРВ* сосредотачивается на этом и задается вопросом: как власть имеющие обеспечивают согласие тех, над которыми они господствуют? Точнее, как они обеспечивают *добровольное* согласие? Далее в этой главе рассматривается ультрарадикальный ответ на этот вопрос, предложенный Мишелем Фуко. Считается, что смысл написанного им о власти (и имевшего серьезное влияние) состоит в следующем: нельзя избежать господства, оно — «везде», нет свободы от него или мышления, от него не зависимо. Однако я доказываю, что нет нужды принимать этот ультрарадикализм, вытекающий скорее из риторики, чем из существа мысли Фуко, который, действительно, выявил много новых аспектов господства и провел весьма значимую работу по изучению его современных форм.

В главе III я защищаю тот ответ на обозначенный выше вопрос, который содержится в *ВРВ*, и развиваю его, но только после указания на ошибки и неточности *ВРВ*. Было ошибкой определять власть, «говоря, что *A* осуществляет власть над *B*, когда *A* воздействует на *B* таким способом, который противоречит интересам *B*». Власть — это способность, а не реализация этой способности (она может никогда не реализовываться и никогда в этом не нуждаться); и ты можешь быть властью имущим, удовлетворяя и упреждая интересы других: власть как господство — тема *ВРВ* — есть лишь один из видов власти. Более того, было неправильно ограничи-

вать обсуждение бинарными отношениями между акторами, которые, как предполагается, имеют однородные интересы. Здесь из виду упускается, что интересы каждого являются множественными, конфликтующими и различными по своему характеру. Защита же состоит в подтверждении того, что существует власть как внешнее принуждение. Это принуждение направлено на то, чтобы те, кто его испытывают, усвоили верования и сформировали желания, порождающие согласие на господство над ними и принятие его — насильственным или ненасильственным образом. Я рассматриваю и отвергаю два типа возражений: во-первых, аргумент Джеймса Скотта, что такая власть просто не существует или крайне редка, потому что те, над кем господствуют, всегда и везде сопротивляются неявным или явным образом; и, во-вторых, идею Юна Элстера, что такая власть просто не в состоянии добиться добровольного согласия с господством. И предложенное Джоном Стюартом Миллем описание подчиненного положения женщин викторианской эпохи, и работы Пьера Бурдьё, посвященные приобретению и поддержанию «габитуса», обращают внимание на функционирование власти, которая приводит тех, кого требуется подчинить, к восприятию условий своего существования как «естественных» и заставляет даже ценить их, а также не осознавать источники своих желаний и верований. Эти и другие механизмы представляют собой третье измерение власти, когда они действуют против интересов людей, вводя их в заблуждение и тем самым разрушая их способность суждения. Говорить, что такая власть предполагает сокрытие «реальных интересов» людей посредством «ложного сознания», значит вызывать в памяти дурные исторические воспоминания и, возможно, выглядеть покровительственно и самонадеянно. Однако я считаю, что в этих понятиях нет ничего принципиально антилиберального и патерналистского; правильно поняты, они являются решающими для понимания третьего измерения власти.

ВЛАСТЬ:
РАДИКАЛЬНЫЙ
ВЗГЛЯД

Г Л А В А I

ВВЕДЕНИЕ

В этой главе представлен концептуальный анализ власти. Я буду отстаивать такой взгляд на власть (то есть способ ее идентификации), который является радикальным как в теоретическом, так и в политическом смыслах (в данном контексте я вижу эти смыслы тесно связанными). С одной стороны, точка зрения, которую я буду защищать, по моему мнению, сугубо оценочная и «спорная по своей сути» (Gallie 1955–1956)¹. А с другой стороны, она уместна с эмпирической точки зрения. Я постараюсь показать, чем этот взгляд превосходит иные взгляды. Далее я буду отстаивать свое понимание того, что оценочность и спорность такого взгляда — не изъян, что он является «операционным», то есть полезным в эмпирическом отношении, поскольку позволяет формулировать гипотезы, которые в принципе поддаются верификации и фальсификации (вопреки ныне существующим аргументам, доказывающим обратное). И я даже приведу примеры таких гипотез — и пойду дальше, доказывая, что некоторые из них соответствуют истине.

В ходе доказательства я коснусь целого ряда вопросов — методологических, теоретических и политических. Среди методологических вопросов — пределы бихевиорализма, роль ценностей в объяснении и методологический индивидуализм. Среди теоретиче-

¹ Ср. сетования Парсонса, что, «к сожалению, понятие власти не определено в социальных науках — ни в политологии, ни в социологии» (Parsons 1957: 139).

ских — вопросы о пределах (или пристрастии) плюрализма, о ложном сознании и о реальных интересах. Среди политических — знаменитые три проблемные сферы, которые изучал Роберт Даль (Dahl 1961) в Нью-Хейвене (реконструкция города, школьное образование и выдвижение кандидатов на выборы), бедность и расовые отношения в Балтиморе, а также загрязнение воздуха. Эти проблемы не будут обсуждаться в их специфике — я лишь буду ссылаться на них, когда это будет уместным в контексте моей аргументации. Эта аргументация по самой своей природе спорна. И существенным аспектом моей позиции является убеждение, что это именно так и есть.

Я начинаю с рассмотрения того понимания власти и связанных с ней понятий, которое имеет глубокие исторические корни (а именно в мысли Макса Вебера) и стало весьма влиятельным среди американских политологов в 1960-е годы благодаря работе Даля и его коллег-плюралистов. Этот взгляд критиковали за поверхностность и ограниченность, за то, что он ведет к неоправданному восхвалению американского плюрализма, который, согласно сторонникам этого взгляда, вполне отвечает требованиям демократии. Я имею в виду критику Питера Бахраха и Мортона С. Бараца в известной и влиятельной статье «Два лика власти» (Bachrach and Baratz 1962), а также во второй их статье (Bachrach and Baratz 1963), которая позднее вошла (в переработанном виде) в книгу «Власть и бедность» (Bachrach and Baratz 1970). Против них в контратаку поднялись плюралисты — Нельсон Полсби (Polsby 1968), Раймонд Волфинджер (Wolfinger 1971a, 1971b) и Ричард Мерельман (Merelman 1968a, 1968b); в то же время были и интересные попытки их защиты со стороны Фредерика Фрея (Frederick Frey 1971), а также, с эмпирической точки зрения, в книге Мэтью Кренсона «Не-политика загрязнения воздуха» (Crenson 1971). Я буду доказывать, что позиция плюралистов неадекватна по причинам, указанным Бахрахом и Барацем,

которые идут дальше критикуемых ими, но недостаточно далеко, а потому и их позиция, в свою очередь, нуждается в радикальном ужесточении. Я собираюсь набросать три концептуальные схемы, которые, надеюсь, обнаружат отличительные черты этих трех взглядов на власть: взгляд плюралистов (который я буду называть одномерным взглядом), взгляд их критиков (двумерный взгляд) и третий взгляд на власть (трехмерный). Далее я буду говорить о силе и слабости этих трех взглядов и постараюсь показать с использованием примеров, что третий взгляд позволяет провести более глубокий и удовлетворительный анализ властных отношений, чем два других.

ОДНОМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД

Этот подход часто называют «плюралистическим» пониманием власти, но такое наименование уже вводит в заблуждение, поскольку указывает на цель его сторонников, Даля, Полсби, Волфинджера и других: показать, что власть (как они ее понимают), по существу, распределяется плюралистически, например, в Нью-Хейвене, а также в политической системе Соединенных Штатов в целом. Говорить, как это делают указанные авторы, о «плюралистическом взгляде» на власть, или о «плюралистическом подходе» к власти, или о «плюралистической методологии», — значит, иметь в виду, что выводы плюралистов уже содержатся в их концептах, в подходе и методе. Но я не думаю, что на самом деле это так. Я думаю, что эти подход и метод в некоторых случаях приводят к выводам, далеким от плюрализма. Этот взгляд порождает элитистские выводы, когда применяется к элитистским структурам, принимающим решения, и к плюралистическим выводам, когда речь идет о плюралистических структурах (а также, как я покажу, порождает плюралистические выводы, когда применяется к структурам, которые являются плюралистическими с точки зрения

плюралистов, но не являются таковыми с других точек зрения). Поэтому, характеризуя этот подход, я буду выявлять его отличительные черты независимо от тех плюралистических выводов, к которым он обычно приводит.

В своей ранней статье «Понятие власти» Даль описывает свою «интуитивную идею власти» как «нечто такое: *A* обладает властью над *B* в такой степени, в какой он может заставить *B* сделать нечто, что *B* иначе не сделал бы» (Dahl 1957 in Bell, Edwards and Harrison (eds) 1969: 80). Чуть ниже в той же статье он описывает свой «интуитивный взгляд на отношения власти» несколько иначе: как представляется, пишет он, они «предполагают успешную попытку *A* получить *a*, чтобы сделать нечто, чего иначе ему бы сделать не удалось» (Ibid.: 82). Заметьте, что первое утверждение относится к способности *A* (...в такой степени, в какой он может заставить *B* сделать нечто...), тогда как второе говорит об успешной попытке — то есть здесь говорится о разнице между потенциальной и актуальной властью, между обладанием властью и ее осуществлением. Именно это последнее — осуществление власти — и является главным для такого взгляда на власть (в отличие от так называемой «элитистской» сосредоточенности на репутации власти). Главный метод Даля в книге «Кто управляет?» состоит в том, чтобы «определить в случае каждого решения, какие участники инициировали альтернативы, которые в конечном счете были одобрены, какие наложили вето на альтернативы, предложенные другими, или выступили с альтернативами, которые были отвергнуты. Эти действия затем были рассортированы как „успешные“ и „проигрышные“. Участники с наибольшей долей успеха в сравнении с общим числом успешных действий были оценены как наиболее влиятельные» (Dahl 1961: 336)². Короче

² Критическое рассмотрение употребления Далем его собственного понятия власти см. в: Morriss (1972).

говоря, как пишет Полсби, «плюралистический подход есть... попытка изучения специфических результатов с целью определения, кто в действительности побеждает при принятии решений в рамках сообщества» (Polsby 1963: 113). Акцент здесь делается на изучении конкретного, наблюдаемого *поведения*. Согласно Полсби, исследователь «должен изучать действительное поведение или непосредственно, или реконструируя поведение на основе документов, сообщений информантов, газет и используя другие имеющиеся ресурсы» (Ibid.: 121). Таким образом, плюралистическая методология, по словам Мерельмана, предполагает «изучение актуального поведения, подчеркивание операциональных определений и обнаружение фактов. И, что важнее всего, она предполагает надежные выводы, которые делаются в соответствии с правилами научной процедуры» (Merelman 1968a: 451).

Следует отметить, что среди плюралистов термины «власть», «влияние» и проч. являются практически взаимозаменяемыми, поскольку, как предполагается, существует некое «примитивное понятие, которое лежит в основе *всех* этих концептов» (Dahl 1957 in Bell, Edwards and Harrison (eds) 1969 80). В книге «Кто управляет?» в основном говорится о «влиянии», тогда как Полсби говорит главным образом о «власти».

Установка на выявление власти посредством сосредоточения внимания на наблюдаемом поведении приводит плюралистов к тому, что их главной задачей становится изучение примеров *принятия решений*. Так, согласно Далю, власть можно анализировать только после «тщательного исследования ряда конкретных решений» (Dahl 1958: 466). А Полсби пишет, что

«власть» можно понять («влияние» и «контроль» представляют собой удобные синонимы) как способность одного актора совершить нечто, оказывающее влияние на другого актора, что изменяет возможное направление определенных будущих событий. Яснее всего это видно в ситуации принятия решений (Polsby 1963: 3–4).

Он также утверждает, что выяснение того, «кто побеждает в ситуации принятия решения», представляет собой «лучший способ определить, какие индивиды и группы обладают „большой“ властью в общественной жизни, потому что прямой конфликт между акторами обнаруживает ситуацию, которая ближе всего к экспериментальной проверке их способностей оказывать влияние на результаты» (Ibid.: 4). Как показывает последняя цитата, в данном случае считается, что «решения» предполагают «прямой», то есть действительный и наблюдаемый, *конфликт*. Соответственно, Даль придерживается того взгляда, что гипотезу о существовании правящего класса можно подвергнуть жесткой проверке только в том случае, если налицо «случаи ключевых политических решений, когда предпочтения гипотетической правящей элиты сталкиваются с предпочтениями любой другой подобной группы, существование которой можно предположить», и «в таких случаях предпочтения элиты регулярно одерживают верх» (Dahl 1958: 466). Плюралисты говорят о решениях, касающихся *проблем* в избранных (ключевых) «проблемных зонах», и при этом делают допущение, что такие проблемы являются дискуссионными и предполагают действительный конфликт. Как пишет Даль, «необходимое, хотя, возможно, и недостаточное условие состоит в том, чтобы ключевая проблема включала действительное несогласие между представителями двух или больше групп» (Ibid.: 467).

Итак, мы видим, что плюралисты концентрируют внимание на поведении в момент принятия решений по ключевым или важным вопросам, предполагающим действительный, наблюдаемый конфликт. Заметим, что этого допущения не требует определение власти у Даля или Полсби, которое предполагает лишь, что *A* может оказывать влияние на то, что делает *B*, и на самом деле этого добивается. И действительно, в книге «Кто управляет?» Даль вполне представляет себе действие власти или влияние в отсутствие конфликта:

он даже пишет, что «точным показателем явного или скрытого влияния личности является частота, с которой она успешно инициирует значимую политику при наличии оппозиции со стороны других, или накладывает вето на политику, инициированную другими, или же *инициирует политику при отсутствии какой-либо оппозиции*» [sic] (Dahl 1961: 66)³. Это, однако, лишь один пример среди множества, показывающий, что книга «Кто управляет?» является более тонкой и глубокой, чем общие концептуальные и методологические утверждения автора и его коллег⁴; она находится в противоречии с их концептуальными рамками и их методологией. Другими словами, в этом примере присутствует понимание, которое не может быть возвращено в перспективе одномерного взгляда на власть.

Согласно рассматриваемому взгляду, конфликт имеет решающее значение, поскольку дает возможность проверить, кому принадлежит власть; создается впечатление, что без конфликта осуществление власти просто себя не обнаружит. О каком конфликте идет речь? О конфликте между предпочтениями, которые, как считается, являются сознательными, демонстрируются в действиях и таким образом выявляются посредством наблюдения за человеческим поведением. Более того, плюралисты полагают, что интересы следует понимать как предпочтения, отдаваемые какой-либо политике, и поэтому конфликт интересов оказывается эквивалентен конфликту предпочтений. Они сопротивляются любому предположению, что интересы могут быть невыраженными и ненаблюдаемыми, и более всего идее, что люди могут иметь неверное пред-

³ Выделено мной. Этот пассаж резко критикуется в: Morriss 1972.

⁴ Другой пример можно найти на с. 161–162 и 321, где Даль прямо говорит о процессе, не связанном с принятием решений, когда пишет о власти членов политического слоя отчасти определять, является ли некий вопрос «значимой публичной проблемой» или нет.

Стивен Льюкс. Власть: Радикальный взгляд

ставление о своих собственных интересах или не осознавать их. Как пишет Полсби,

отвергая это допущение об «объективности интересов», мы можем рассматривать примеры внутриклассовых разногласий как внутриклассовый конфликт, а межклассовое согласие как межклассовую гармонию интересов. Думать иначе было бы неверно. Если сведения о действительном поведении групп в сообществе входят в противоречие с ожиданиями исследователя и на этом основании отвергаются, то в этом случае эмпирические посылки теории стратификации [которая постулирует классовые интересы] оказываются неопровержимыми, и поэтому, соответственно, такие ожидания приходится рассматривать как метафизические, а не эмпирические. Предположение, что «реальные» интересы какого-либо класса могут быть установлены аналитиком, позволяет аналитику говорить о «ложном классовом сознании», когда этот самый класс с ним не согласен (Polsby 1963: 22–23)⁵.

Таким образом, я делаю вывод, что первый, одномерный, взгляд на власть предполагает сосредоточенность на *поведении* при принятии *решений* по таким *проблемам*, которые порождают наблюдаемый *конфликт* (субъективных) *интересов*, понимаемых как предпочтения, отдаваемые какой-либо политике и обнаруженные благодаря политическому участию.

ДВУМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД

Критикуя вышеописанный подход, Бахрах и Барац указывают на его ограниченность и, как следствие, на то,

⁵ Ср. критику Теодором Гейгером Маркса, когда тот приписывает пролетариату «подлинные интересы», которые никак не связаны с желаниями и целями его представителей: «здесь кончается собственно анализ структуры интересов общественных классов — мы слышим лишь голос религиозной мании» (Geiger T. Die Klassengesellschaft im Schmelztiegel, Köln; Hagen, 1949. P. 133. Цитируется в переводе на английский в Dahrendorf 1959: 175).

І. Власть: Радикальный взгляд

что он вводит в заблуждение, рисуя слишком радужную плюралистическую картину американской политики. Они утверждают, что власть двулика. Первый лик — тот, о котором говорилось: «власть всецело воплощается и отражается в „конкретных решениях“ или в деятельности, направленной непосредственно на принятие этих решений» (Bachrach and Baratz 1970: 7). Они пишут:

Конечно, власть осуществляется, когда А участвует в принятии решений, которые оказывают влияние на В. Власть также осуществляется, когда А использует свою энергию для создания или усиления социальных и политических ценностей, а также институциональных практик, которые сводят политический процесс к публичному рассмотрению только тех проблем, которые сравнительно безопасны для А. В той степени, в какой А это удается, В практически лишается возможности выдвигать на первый план такие проблемы, которые, в случае их разрешения, могли бы нанести серьезный ущерб предпочтениям А (р. 7).

«Центральный пункт» здесь следующий: «в той степени, в какой личность или группа — сознательно или бессознательно — создает или усиливает барьеры для публичного обсуждения политических конфликтов, эта личность или эта группа обладает властью» (р. 8). И далее они приводят известные и часто цитируемые слова Шаттшнайдера:

Все формы политической организации имеют предрасположенность к использованию одних конфликтов и подавлению других, потому что *организация есть мобилизация предрасположенностей*. Одни проблемы включены в политику, тогда как другие исключены из нее (Schattschneider 1960: 71).

Значимость работы Бахраха и Бараца в том, что они вводят в дискуссию о власти эту чрезвычайно важную идею «мобилизации предрасположенностей или пристрастий». По их словам, власть есть

совокупность доминирующих ценностей, верований, ритуалов и институциональных процедур («правил игры»), которые систематически и последовательно функционируют ради выгоды определенных лиц и групп и в ущерб другим. Те, кто получают выгоду, обладают преимуществами в деле защиты и продвижения своих законных интересов. Чаще всего «защитники статус-кво» представляют собой в рассматриваемом сообществе меньшинство или элитную группу. Однако элитизм не является ни предопределенным, ни вездесущим: как могут подтвердить противники вьетнамской войны, мобилизация пристрастий вполне может служить выгоде абсолютно большинства, что нередко и происходит (Bachrach and Baratz 1970: 43–44).

Что же представляет собой этот двумерный взгляд на власть? Какова его концептуальная структура? Ответить на этот вопрос непросто, потому что Бахрах и Барац употребляют термин «власть» в двух различных смыслах. С одной стороны, они употребляют его в общем смысле, касающемся всех форм успешного контроля *A* над *B*, то есть когда *A* обеспечивает согласие со стороны *B*. И они разрабатывают целую типологию, представляющую большой интерес, форм такого контроля, которые они рассматривают как типы власти в обоих ее ликах. С другой стороны, они имеют один из этих типов «властью» — а именно такой, когда речь идет об обеспечении согласия посредством угрозы применения санкций. Однако, излагая их позицию, мы можем избежать этой путаницы, если будем употреблять слово «власть» в первом смысле, а слово «принуждение» — во втором.

Тогда их типология «власти» будет включать в себя принуждение, влияние, авторитет, силу и манипуляцию. Принуждение, как мы видели, имеет место тогда, когда *A* обеспечивает согласие со стороны *B*, угрожая последнему лишениями, когда «между *A* и *B* существует конфликт, касающийся ценностей или обра-

за действия» (р. 24)⁶. О влиянии речь идет тогда, когда *A*, «не прибегая ни к лишь подразумеваемым, ни к откровенным угрозам нанесения ущерба, заставляет [*B*] изменить свой образ действий» (р. 30). Когда действует авторитет, «*B* соглашается, так как требование [со стороны *A*] является разумным в рамках ценностных ориентиров [*B*]» — либо потому, что оно законно и разумно в содержательном отношении, либо потому, что его источником является законная и разумная процедура (р. 34, 37). В случае силы, *A* достигает своих целей в отношении отказывающегося в согласии *B*, лишая последнего выбора между согласием и несогласием. Манипуляция же есть «аспект» или подвид силы отличный от принуждения, влияния и авторитета, поскольку в данном случае «согласие имеет место при отсутствии осознания со стороны соглашающегося либо источника, либо самой природы предъявляемого ему требования» (р. 28).

По своей сути критика Бахрахом и Барацем одномерного взгляда на власть, которого придерживаются плюралисты, является антибихевиоралистской: то есть они утверждают, что этот взгляд «придает чересчур большое значение процессам инициирования, решения и наложения вето» и в результате «упускает тот факт, что власть может осуществляться и часто осуществляется посредством сведения спектра вопросов, по которым принимаются решения, к относительно „безопасным“ проблемам» (р. 6). С другой стороны, они настаивают (по крайней мере в своей книге — отвечая критикам, которые заявляют: если *B* не действует по той причине, что предчувствует реакцию *A*, значит, ничего не происходит и нечего подвергать эмпирической верификации) на том, что так называемые не-решения, ограничивающие сферу принятия решений, сами по себе являются (наблюдаемыми) решения-

⁶ О принуждении см.: Nozick 1972; Pennock and Chapman (eds) 1972; а также: Wertheimer 1987.

ми. Однако они могут не быть явными, или характерными для данной проблемы, или даже осознанными решениями, принятыми ради нейтрализации потенциальных противников, о которых защитники статус-кво вполне могут и не подозревать. Такая неосознанность «не означает, однако, что господствующая группа будет воздерживаться от не-решений, которые защищают или укрепляют ее господство. Просто поддержка существующего политического процесса уже может давать такой эффект» (р. 50).

Итак, удовлетворительный анализ двумерного характера власти предполагает изучение процесса как принятия решений, так и непринятия решений. Отказ от решения есть «выбор среди других способов действия» (р. 39); непринятие решения — это «решение, результатом которого является подавление скрытых или явных вызовов ценностям и интересам того, кто принимает решение, или воспрепятствование появлению таких вызовов» (р. 44). Таким образом, непринятие решений есть «способ подавления требований изменить существующее распределение выгод и привилегий, прежде чем такие требования будут озвучены; или способ удержания этих требований под спудом; или способ устранения этих требований, прежде чем они будут заявлены в соответствующем пространстве принятия решений; или же, если ничего подобного осуществить не удалось, способ искажения либо нейтрализации этих требований на той стадии политического процесса, когда дело доходит до выполнения принятых решений» (р. 44).

Бахрах и Барац отчасти переопределяют границы того, что считается политической проблемой. Для плюралистов эти границы определяются наблюдаемой политической системой или, скорее, ее элитами: как пишет Даль, «вряд ли можно говорить о политической проблеме, пока она не привлекает внимания значительного сегмента политического слоя» (Dahl 1961: 92). Поэтому наблюдатель отбирает некоторые про-

блемы как очевидно важные или «ключевые» и затем анализирует процесс принятия решений по этим проблемам. Для Бахраха и Бараца, напротив, существенно важно выявить потенциальные проблемы, которые не становятся актуальными по причине непринятия решений. Поэтому, с их точки зрения, «значимые» или «ключевые» проблемы могут быть актуальными или, скорее всего, потенциальными; а ключевой является проблема, которая заключает в себе действительный вызов по отношению к ресурсам и авторитету тех, кто в настоящий момент контролирует процесс, определяющий результаты определенной политики в рамках системы, то есть заключает в себе «требование серьезной трансформации как способа, в соответствии с которым ценности распределены в сообществе... так и самой ценностной структуры» (Bachrach and Baratz 1970: 47–48).

Несмотря на это весьма важное отличие от подхода плюралистов, анализ Бахраха и Бараца имеет с ними одну существенную общую черту: акцент на актуальном, наблюдаемом *конфликте*, явном или скрытом. Если плюралисты считают, что в процессе принятия решений власть лишь обнаруживает, где существует конфликт, то Бахрах и Барац имеют в виду то же самое в случае непринятия решений. Так, они пишут, что если «нет конфликта, явного или скрытого, следует полагать, что существует консенсус относительно доминирующей структуры ценностей, и в этом случае непринятие решений невозможно» (р. 49). В отсутствие такого конфликта, считают они, «никак нельзя с точностью судить, направлено ли решение на то, чтобы воспрепятствовать серьезному рассмотрению требования перемен, которое потенциально угрожает тем, кто принимает решения» (р. 50). Если «создается впечатление, что существует всеобщее принятие статус-кво, тогда невозможно „определить“ эмпирически, является ли консенсус подлинным или же он был насильственно установлен посредством непринятия

решений»; и затем они добавляют довольно странное замечание: «анализ этой проблемы превышает возможности политического аналитика и под силу, возможно, лишь философу» (р. 49).

Последнее свидетельствует о том, что Бахрах и Барац не уверены, действительно ли власть, связанная с принятием решений, не может осуществляться в отсутствие конфликта, или же, если она осуществляется, мы просто не можем об этом знать. Как бы то ни было, конфликт, который они считают необходимым, — это конфликт между *интересами* тех, кто вовлечен в принятие решений, и интересами тех, кого эти последние лишают голоса в рамках политической системы. В чем же заключаются интересы исключаемых? Бахрах и Барац отвечают следующим образом: наблюдатель

должен выяснить, имеет ли место недовольство, явное или скрытое, среди тех лиц и в тех группах, которые очевидным образом отторгаются в результате мобилизации пристрастий... явное недовольство — это такое недовольство, которое уже нашло свое выражение и породило проблему в рамках политической системы, тогда как скрытое недовольство все еще остается *за рамками* системы.

Последнее «не было признано „достойным“ публичного внимания и обсуждения», но «в своей неразвитой форме поддается наблюдению со стороны исследователя» (р. 49). Другими словами, Бахрах и Барац понимают «интересы» шире, чем плюралисты — хотя речь все равно идет о субъективных, а не об объективных интересах. Если плюралисты рассматривают в качестве интересов политические предпочтения, выражаемые через поведение всех граждан, которые считаются пребывающими внутри политической системы, то Бахрах и Барац также рассматривают предпочтения, выражаемые через поведение тех, кто частично или полностью исключен из политической системы — в форме явного или скрытого недовольства. В обоих

случаях предполагается, что интересы являются осознанно выраженными и наблюдаемыми.

Таким образом, я делаю вывод, что двумерный взгляд на власть предполагает *неполную критику бихевиоралистского акцента* первого взгляда (говоря неполную, потому что для него непринятие решений все еще остается формой принятия решений), и он позволяет рассматривать способы, посредством которых создаются препятствия для *принятия решений* по тем *потенциальным вопросам*, которые являются предметом наблюдаемого *конфликта* (субъективных) *интересов*, понятых как предпочтения, нашедшие выражение в открытом политическом пространстве, и как недовольство, не вышедшее на политический уровень.

ТРЕХМЕРНЫЙ ВЗГЛЯД

Нет никакого сомнения в том, что двумерный взгляд на власть представляет собой большой шаг вперед по сравнению с одномерным взглядом: он включает в анализ властных отношений вопрос о контроле над политической повесткой и о тех способах, которые позволяют держать потенциальные вопросы за рамками политического процесса. Тем не менее и этот второй взгляд является неадекватным — по трем причинам.

Во-первых, его критика бихевиорализма слишком неполна или, говоря иначе, он сам слишком тесно связан с бихевиорализмом — то есть с изучением явного, «актуального поведения», в качестве образца которого рассматриваются «конкретные решения», принимаемые в ситуации конфликта. Пытаясь отнести все случаи исключения потенциальных проблем из политической повестки к парадигме принятия решений, он дает искаженную картину того, как индивидам и прежде всего группам и институтам удается исключать потенциальные вопросы из политического процесса. Решение — это выбор, который индивид сознательно или бессознательно делает между альтернативными возможностями,

тогда как пристрастия системы могут быть мобилизованы, воссозданы и усилены таким образом, который не является сознательно выбранным или предполагаемым результатом конкретных индивидуальных выборов. Как замечают сами Бахрах и Барац, господство защитников статус-кво может быть столь прочным и убедительным, что они даже не задумываются о каких-либо потенциальных вызовах своему положению и, соответственно, о возможных альтернативах существующему политическому процессу, пристрастия которого они стараются поддерживать. Как «исследователей власти и ее последствий, — пишут они, — нас прежде всего интересует не то, сознательно ли защитники статус-кво осуществляют свою власть, но как они ее осуществляют, если осуществляют, и каковы последствия этого для политического процесса и других акторов в рамках системы» (Bachrach and Baratz 1970: 50).

Более того, пристрастия системы поддерживаются не просто серией актов, осуществляемых в соответствии с индивидуальным выбором, то также, что более важно, благодаря социально структурированному и определяемому культурными образцами поведению групп и благодаря практике институтов, которые вполне могут проявляться при бездействии индивидов. Бахрах и Барац разделяют с плюралистами слишком индивидуалистический в методологическом отношении взгляд на власть. Тем самым и те и другие следуют по стопам Макса Вебера, для которого власть была *возможностью для индивидов реализовать свою волю* вопреки сопротивлению других, тогда как власть контролировать политическую повестку и исключать потенциальные проблемы невозможно адекватно проанализировать, если не рассматривать ее как функцию коллективных сил и социальных организаций⁷. Здесь мы имеем дело с двумя разными случаями.

⁷ См.: Lukes 1973, гл. 17. Ср. решимость Дарендорфа «следовать... полезным и хорошо продуманным определениям

Во-первых, существует феномен коллективного действия, когда налицо политика или деятельность какого-либо коллективного образования (группы, например, класса или института, например, политической партии или промышленной корпорации), однако это действие нельзя связать с решением или поведением конкретных индивидов. И во-вторых, существует феномен «системного» или организационного эффекта, когда мобилизация пристрастий есть следствие, как говорит Шаттшнайдер, формы организации. Конечно, такие коллективные образования и организации состоят из индивидов, однако власть, которую они осуществляют, невозможно концептуально описать, просто исходя из решений или поведения индивидов. Как лаконично сформулировал Маркс, «люди сами делают свою историю, но они ее делают не так, как им вздумается, при обстоятельствах, которые не сами они выбрали, а которые непосредственно имеются налицо, даны им и перешли от прошлого»⁸.

Второй пункт, не позволяющий считать двумерный взгляд на власть адекватным, заключается в связывании власти с актуальным, наблюдаемым конфликтом. В этом отношении критики плюралистов и их оппоненты тоже очень близки⁹ (и опять же, те и другие следуют за Вебером, который, как мы видели, делал акцент на реализации воли индивида *вопреки конпро-*

Макса Вебера», согласно которым «важное различие между властью и авторитетом состоит в том, что если власть по своему существу связана с индивидами в их личном качестве, то авторитет всегда ассоциирован с социальными позициями или ролями» (Dahrendorf 1959: 166).

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Т. 3: 119.

⁹ Эта близость наиболее очевидна в книге «Власть и бедность» (Bachrach and Baratz 1970: особенно 49–50), когда авторы реагируют на критику со стороны плюралистов, которые говорят о следствиях (потенциально трехмерных) статьи о принятии решений (Bachrach and Baratz 1963). См.: Merelman 1968b и Bachrach and Baratz 1968.

тивлению других). Утверждение, что актуальный конфликт существенным образом связан с властью, не работает по крайней мере по двум причинам.

Первая причина: как указывают сами Бахрах и Барац, два типа власти могут никак не быть связанными с конфликтом, а именно манипуляция и авторитет, который они понимают как «согласие, основанное на разуме» (Bachrach and Baratz 1970: 20), хотя в другом месте они говорят, что ему сопутствует «возможный конфликт ценностей» (р. 37).

Вторая причина заключается в следующем: предположение о том, что власть осуществляется только в ситуации актуального и наблюдаемого конфликта, крайне неудовлетворительно. Заостряя, можно сказать так: А может осуществлять власть над В, заставляя его делать то, чего он делать не хочет, но А также осуществляет власть над В, оказывая на него влияние, формируя и определяя сами его желания. Действительно, разве высшим проявлением власти не является порождение у другого или других таких желаний, которые вы хотели бы у них видеть, то есть обеспечение согласия с их стороны посредством контролирования их мыслей и желаний? Чтобы это понять, совсем не нужно пускаться в рассуждения о «Дивном новом мире» или о мире Б. Ф. Скиннера: контроль над мышлением может осуществляться в менее тотальных и в более скромных формах, таких как контроль над информацией, медиа и сам процесс социализации. Как ни странно, но в книге «Кто управляет?» можно найти прекрасные описания этого феномена. Возьмем, например, картину правления «патрициев» в начале XIX века: «Элита, судя по всему, обладала одной из неотъемлемых черт господствующей группы — чувством, разделяемым не только ее представителями, но и простыми людьми, что ее притязания на власть является законными» (Dahl 1961: 17). Даль наблюдает этот феномен также и в современных «плюралистических» условиях: лидеры, говорит он, «не просто реагируют на предпочтения изби-

рателей; лидеры также и *формируют их*» (р. 164); и еще: «почти все взрослое население в *определенной степени* подверглось индокринации в школе» (р. 317). Беда в том, что как Бахрах и Барац, так и плюралисты считают, что поскольку власть, как они ее понимают, проявляется только в случае действительного конфликта, этот конфликт является необходимым для проявления власти. Но тогда игнорируется существенный момент: наиболее эффективное и коварное проявление власти состоит в предотвращении такого конфликта.

Третий пункт, не позволяющий считать двумерный взгляд на власть адекватным, непосредственно связан со вторым: это утверждение, что власть не принимать решения налицо только тогда, когда имеет место недовольство, которому не дают обнаружиться в политическом процессе в форме обсуждаемых проблем. Если наблюдатель не может выявить никакого недовольства, он должен сделать вывод, что существует «подлинный» консенсус относительно господствующей системы ценностей. Другими словами, считается, что если люди не испытывают недовольства, то значит, нельзя говорить и о том, что у них есть какие-то интересы, которые ущемляются посредством осуществления власти. Но это утверждение также крайне неудовлетворительно. Во-первых, надо спросить, что такое недовольство: сформулированное требование, опирающееся на политическое знание? не имеющие адреса сетования, возникающие из повседневного опыта? нехорошие предчувствия или чувство собственной ущербности? (см.: Lipsitz 1970). Во-вторых, что более важно: разве не является наиболее эффективным и коварным проявлением власти воспрепятствование людям в какой бы то ни было степени испытывать недовольство посредством формирования у них такого восприятия и понимания, таких предпочтений, которые обеспечивают принятие ими своей роли в существующем порядке вещей — или потому, что они не видят и не могут представить какой-либо альтернативы, или

потому, что они воспринимают эту роль как естественную и неизменную, или потому, что они оценивают ее как богоустановленную и благотворную? Считать, что отсутствие недовольства означает подлинный консенсус, значит просто исключать возможность ложного консенсуса, достигнутого благодаря манипуляции.

Таким образом, трехмерный взгляд на власть предполагает *бескомпромиссную критику бихевиоралистского акцента*¹⁰ первых двух взглядов как слишком индивидуалистического и позволяет рассматривать разные способы, благодаря которым потенциальные проблемы не допускаются в политику: это или действие социальных сил и институциональных практик, или решения, принимаемые индивидами. Более того, все это может происходить в отсутствие актуального, наблюдаемого конфликта, которого можно успешно избежать, хотя имплицитное указание на потенциальный конфликт здесь остается. Однако этот потенциал может никогда не быть актуализирован. Что имеет место, так это латентный конфликт, который заключается в противоречии между интересами осуществляющих власть и реальными интересами тех, кто оказывается исключенными из процесса¹¹. Эти исключенные могут не выражать

¹⁰ Я употребляю термин «бихевиоралистский» в узком смысле, обозначенном выше, имея в виду изучение явного и актуального поведения, особенно конкретных решений. Конечно, в самом широком смысле трехмерный взгляд на власть является «бихевиоралистским», поскольку он разделяет представление, что поведение (действие и бездействие, сознательное или бессознательное, актуальное или потенциальное) предоставляет свидетельства (прямые и косвенные), позволяющие говорить об осуществлении власти.

¹¹ Этот конфликт является латентным в том смысле, что предполагается конфликт желаний и предпочтений между осуществляющими власть и подчиняющимися ей, если последние осознают свои интересы. (Мое понимание латентного конфликта и реальных интересов следует отличать от предложенного Дарендорфом описания «объективных» и «латентных» интересов как «антагонистических интере-

І. Власть: Радикальный взгляд

и даже не осознавать своих интересов, однако, как я покажу, выявление таких интересов в конечном счете всегда связано с выдвиганием гипотез, подлежащих эмпирическому подтверждению или опровержению.

Отличительные черты трех взглядов на власть кратко представлены ниже.

Одномерный взгляд

Акцент на

- (а) поведении;
- (б) принятии решений;
- (в) (ключевых) проблемах;
- (г) наблюдаемом (явном) конфликте;
- (д) (субъективных) интересах, понятых как политические предпочтения, обнаруженные через политическое участие.

Двумерный взгляд

(Неполная) критика бихевиоралистского акцента

Акцент на

- (а) принятии решений и непринятии решений;
- (б) проблемах и потенциальных проблемах;
- (в) наблюдаемом (явном или скрытом) конфликте;
- (г) (субъективных) интересах, понятых как политические предпочтения или недовольство.

Трехмерный взгляд

Критика бихевиоралистского акцента

Акцент на

- (а) принятии решений и контроле над политической повесткой (необязательно посредством принятия решений);

сов, определяемых социальными позициями и даже присутствующими им», в императивно скоординированных ассоциациях, которые «независимы от сознательных ориентаций» индивида (Dahrendorf 1959: 174, 178). То, что я считаю подлежащим эмпирическому установлению, Дарендорф рассматривает как социологическую данность).

- (б) проблемах и потенциальных проблемах;
- (в) наблюдаемом (явном или скрытом) и латентном конфликте;
- (г) субъективных и реальных интересах.

ПОДРАЗУМЕВАЕМОЕ ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ

У этих трех взглядов на власть есть одна общая черта: их оценочный характер. Каждый из этих взглядов возникает и работает в определенной моральной и политической перспективе. И я действительно считаю, что власть — это одно из тех понятий, которые не могут не быть ценностно окрашены. В данном случае я имею в виду, что само определение власти, а также любое использование такого определения, коль скоро оно имеется, неразрывно связаны с существующей (возможно, непризнанной) системой ценностных представлений, которые предопределяют сферу его эмпирического применения — и ниже я буду говорить о том, что одни формы такого использования в отличие от других позволяют расширять эту сферу. Более того, как следствие, понятие власти представляет собой «спорное по своей сути понятие» — одно из тех понятий, которые «с неизбежностью предполагают бесконечные споры о его правильном употреблении со стороны тех, кто его использует» (Gallie 1955–1956: 169). И конечно, участвовать в таких спорах уже значит участвовать в политике.

Абсолютно фундаментальным общим ядром всех разговоров о власти (или примитивным представлением, лежащим в их основе) является представление о том, что *A* некоторым образом оказывает воздействие на *B*. Но чтобы применить это примитивное (каузальное) представление к анализу общественной жизни, требуется нечто большее — а именно представление о том, что *A* осуществляет это нетривиальным или значимым образом (см.: White 1972). Ясно, что все мы постоянно и бесконечно воздействуем друг

на друга: понятие власти и связанные с ним понятия принуждения, влияния, авторитета и т.д. указывают на сферу такого воздействия, являющуюся значимой в специфическом смысле. Способ понимания власти или способ определения понятия власти, которое было бы плодотворно при анализе социальных взаимоотношений, должен включать ответ на следующий вопрос: «что значит — значимой?»; «что делает воздействие, оказанное на *B* со стороны *A*, значимым?». Понятие власти, определенное таким образом, будучи истолкованным и включенным в анализ, приводит к одному или более *взглядам* на власть — то есть способам выявления случаев проявления власти в реальном мире. Три взгляда, о которых шла речь выше, могут быть рассмотрены как альтернативные интерпретации и аппликации одного и того же подразумеваемого понятия власти, согласно которому *A* осуществляет власть над *B*, когда *A* воздействует на *B* способом, противоречащим интересам *B*¹². Существуют, однако, и другие (не менее спорные) способы концептуализа-

¹² Это различие «понятия» (concept) и «взгляда» (view) почти параллельно проводимому Джоном Ролзом различению между «понятием» (concept) и «концепцией» (conception). Ролз пишет:

«Понятие справедливости как таковое отличается от конкретных концепций справедливости, и в нем проявляется то общее, что имеется в этих различных концепциях. Тот, кто придерживается других концепций справедливости, может все еще соглашаться, что институты справедливы, когда между людьми не делается произвольных различий в отношении основных прав и обязанностей и когда правила определяют надлежащий баланс между конкурирующими притязаниями на преимущества общественной жизни. Люди могут прийти к соглашению в этом описании справедливых институтов, поскольку понятия произвольного различия и надлежащего баланса, входящие в концепцию справедливости, всегда открыты для такой интерпретации, которая согласуется у каждого с принимаемыми им принципами. Эти принципы позволяют выделить те сходства и отличия среди людей, которые существенны для определения прав

ции власти, предполагающие иные критерии значимости. Обратимся к двум из них.

Рассмотрим сначала понятие власти, разработанное Толкотом Парсонсом (Parsons 1957, 1963a, 1963b, 1967). Парсонс хочет «трактовать власть как *особый* механизм, направленный на производство изменений в действиях других единиц, индивидуальных и коллективных, в процессах социального взаимодействия» (Parsons 1967: 299). Что же такого специфического, на его взгляд, в этом механизме? Что делает его «властью»? Другими словами, какие критерии значимости использует Парсонс, чтобы определить такую конкретную сферу воздействия, как «власть»? Говоря кратко, ответ таков: использование авторитетных решений, принимаемых ради достижения коллективных целей. Он определяет власть следующим образом:

Власть есть обобщенная способность обеспечивать исполнение единицами своих обязанностей в системе коллективной организации, когда эти обязанности легитимированы их связью с достижением коллективных целей и когда в случае невыполнения этих обязанностей допускается принуждение по-

и обязанностей, и они специфицируют, какое деление преимуществ является подходящим» (Ролз 1995: 21).

Подобным образом, сторонники трех вышеописанных взглядов на власть предлагают различные интерпретации того, что считать интересами и как на них можно воздействовать. Я согласен с утверждением Ролза, что различные концепции справедливости (как и взгляды на власть) «вырастают из различных пониманий общества в противоборстве мнений о естественных потребностях и благоприятных перспективах человеческой жизни. Для более полного понимания концепции справедливости мы должны сделать более точной концепцию социальной кооперации, из которой она выводится» (Ролз 1995: 24–25). Однако я не согласен с мнением Ролза, что в конечном счете существует только одна рациональная концепция справедливости, которую следует обнаружить. «Справедливость» — понятие не менее спорное, чем «власть».

І. Власть: Радикальный взгляд

средством применения соответствующих ситуации санкций — кто бы ни выступал в качестве применяющего такие санкции (р. 308).

Власть *A* над *B* является, в своей легитимной форме, правом *A* как единицы, включенной в коллективный процесс и принимающей решения, принимать такие решения, который предворяют решения, принимаемые *B*, ради эффективности коллективного действия как целого (р. 318).

Концептуализируя власть, Парсонс связывает ее с авторитетом, консенсусом и преследованием коллективных целей и отделяет от конфликта интересов и, в частности, от принуждения и силы. Власть зависит от «институализации авторитета» (р. 331) и понимается как «обобщенный посредник при мобилизации обязанностей ради эффективного коллективного действия» (р. 331). И наоборот, «угроза насильственных мер или принуждения без легитимации и обоснования вообще не может быть названа осуществлением власти в собственном смысле» (р. 331). Поэтому Парсонс критикует Райта Миллса за то, что тот интерпретирует власть «исключительно как способность достигать того, чего хочет одна группа — носителей власти, — препятствуя другой группе — „аутсайдеров“ — достигать того, чего хочет она», вместо того, чтобы рассматривать ее как «способность выполнять функцию в обществе и для общества как системы» (Parsons 1957: 139).

Рассмотрим далее понятие власти у Ханны Арендт. Власть, пишет она,

соответствует человеческой способности не только действовать, но действовать сообща. Власть никогда не является собственностью индивида; она принадлежит группе и существует, лишь пока существует общность этой группы. Когда мы о ком-то говорим, что он «обладает властью», на самом деле мы указываем на то, что его наделило властью определенное число людей, чтобы действовать от их име-

ни. В тот момент, когда группа, от которой проистекает власть (*potestas in populo*, без народа или группы нет и власти), исчезает, утрачивается и «его власть» (Arendt 1970: 44).

Именно

поддержка людей сообщает власть институтам определенной страны, и эта поддержка есть лишь проявление того согласия, которое порождает законы. В условиях представительного правления предполагается, что люди правят теми, кто ими управляет. Все политические институты суть проявления и материализации власти; они окостеневают и приходят в упадок, как только живая власть людей перестает их поддерживать. Это и имел в виду Мэдисон, когда говорил, что «все правительства опираются на мнение»; высказывание, не менее справедливое применительно к различным формам монархии, а не только к демократиям (р. 41).

Понимание власти у Арндт связывает власть с традицией и лексиконом, которые восходят к Афинам и Риму, и согласно которому республика опирается на верховенство закона, опирающегося, в свою очередь, на «власть народа» (р. 40). В этой перспективе власть отделяется от «отношений приказ — повиновение» (р. 40) и от «дела господства» (р. 44). Власть является согласованной: она «не нуждается в обосновании, поскольку присуща самому существованию политических сообществ; нуждается же она в легитимации... Власть возникает везде, где люди собраны вместе и действуют сообща, но она обретает легитимность от первоначального события собранности вместе, а не от какого-либо действия, которое может последовать позднее» (р. 52). *Насилие*, напротив, является инструментальным, то есть средством для достижения каких-либо целей, но оно «никогда не станет легитимным» (р. 52). Власть, «не будучи никоим образом средством, является в действительности тем самым условием, которое позволяет группе лю-

дей думать и действовать в категориях средств и целей» (р. 51).

Суть этих весьма схожих определений власти у Парсонса и Арендт в том, что они убедительно подерживают общетеоретический подход авторов. В случае Парсонса связывание власти с авторитетными решениями и коллективными целями способствует усилению его теории социальной интеграции, опирающейся на ценностный консенсус, но при этом игнорируется весь комплекс проблем, занимающих так называемых теоретиков «принуждения» именно в связи с темой «власти». Одним махом феномены принуждения, эксплуатации, манипуляции и т.п. перестают быть феноменами власти — и, как следствие, исчезают с теоретического горизонта. Об этом очень хорошо говорит Энтони Гидденс:

Очевидные факты того, что авторитетные решения очень часто служат групповым интересам и что наиболее острые конфликты в обществе порождаются борьбой за власть, выводятся за рамки рассмотрения — по крайней мере как феномены, связанные с «властью». Предлагаемая Парсонсом концептуализация власти позволяет ему не концентрироваться в своем анализе на власти как выражении отношений *между* индивидами и группами и рассматривать власть лишь как «принадлежность системы». Возможность того, что коллективные «цели» или даже ценности, которые за ними кроются, являются результатом «договорного порядка» (*negotiated order*), достигнутого в ходе конфликта между партиями, обладающими дифференцированной властью, игнорируется, поскольку у Парсонса «власть» предшествует коллективным целям (Giddens 1968: 265).

Схожим образом и в случае Арендт концептуализация власти служит подтверждению ее концепции «*res publica*, общего дела», с которым люди согласны и «ведут себя ненасильственно и рассуждают разумно»; в то же время эта концептуализация противо-

стоит сведению «общественной жизни к делу господства» и концептуальному связыванию власти с силой и насилием. «Излишне, — пишет она, — говорить о ненасильственной власти» (Arendt 1970: 56). Эти разграничения позволили Аренд сделать следующие утверждения: «тирания, как обнаружил Монтескье, является поэтому наиболее насильственной и наименее властной формой правления» (р. 41); «там, где власть переживает распад, революции оказываются возможными, но не необходимыми» (р. 49); «даже наиболее деспотические формы господства, которые мы знаем, властвование хозяина над своими рабами, которые всегда превосходят его своей численностью, опираются не на лучшие средства принуждения как такового, а на лучшую организацию власти, — то есть на организованную солидарность властителей» (р. 50); «насилие всегда разрушает власть; на бочку с порохом опирается самое эффективное владычество, порождающее самое быстрое и самое полное подчинение; чего она никогда не сможет породить, так это власть» (р. 53); «власть и насилие — антиподы; там, где господствует одно, отсутствует другое. Насилие появляется тогда, когда власть в опасности, но если дать ему волю, власть исчезнет» (р. 56).

Эти концептуализации власти поддаются рациональному обоснованию. Однако с той точки зрения, которая отстаивается в этой книге, они менее ценны, нежели предлагаемые здесь, по двум причинам.

Во-первых, это такие переосмысления власти, которые далеки от главных смыслов «власти», как она традиционно понимается, и от тех проблем, которыми всегда в первую очередь занимались исследователи этого феномена. Они делают акцент на «власти для», игнорируя «власть над». И таким образом, власть оказывается связанной со «способностью», с «возможностью», но не с отношением. Соответственно, конфликтный аспект власти — тот факт, что она осуществляется над людьми — вообще исчезает из поля

зрения¹³. А вслед за этим исчезает и главный интерес в изучении властных отношений — заинтересованность (как попытка или как достижение) в обеспечении согласия людей через преодоление или предотвращение их противодействия.

Во-вторых, цель этих определений, как мы уже видели, состоит в том, чтобы усилить определенные теоретические установки; однако все, что может быть сказано с помощью этих определений, гораздо яснее можно сказать, используя те концептуальные схемы, которые лежат в их основе, и при этом не умалчивая о (главных) аспектах власти, которые эти определения игнорируют. Так, например, Парсонс отказывается считать власть феноменом «с нулевой суммой» и обращается к аналогии с созданием кредита в экономике, считая, что использование власти, когда управляемые обоснованно доверяют своим правителям, может достигать таких целей, к которым стремятся все и достижение которых выгодно всем. В поддержку этой позиции говорилось, что «в группе любого типа существование оговоренных „руководящих“ позиций „генерирует“ власть, которая может быть использована для достижения целей, к которым стремится большинство членов этой группы» (Giddens 1968: 263). Подобным образом и Арендт утверждает, что члены группы, которые действуют сообща, осуществляют власть. Если же исходить из концептуальной схемы, предлагаемой здесь, то все подобные случаи совместной деятельности, когда индивиды или группы воздействуют друг на друга в ситуации отсутствия взаимного конфликта интересов, — все такие случаи понимаются как примеры «влияния», а не «власти». Все, что Парсонс и Арендт хотят сказать о консенсусном поведении, вполне может быть сказано и о том, что именно они стремятся исключить из разговора о власти.

¹³ Так для Парсонса «власть *A* над *B*» становится «правом» раньше принимать решения!

СТИВЕН ЛЬЮКС. ВЛАСТЬ: РАДИКАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД

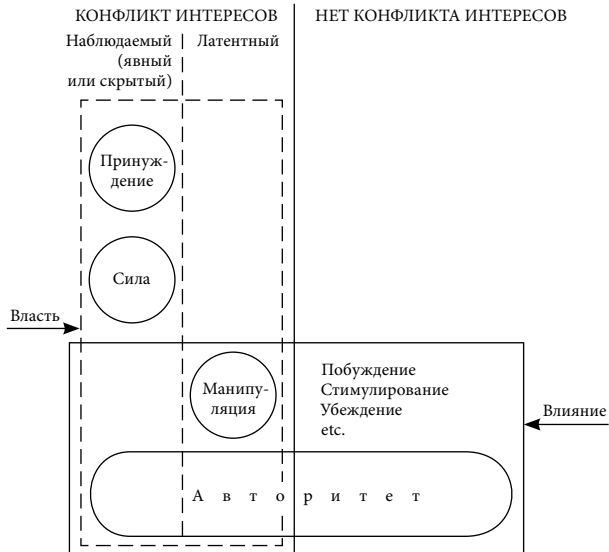

Рис. 1

Возможно, на этом этапе полезно будет привести концептуальную схему (рис. 1) власти и близких понятий (всех модусов «значимого воздействия»), которая в целом следует типологии, предложенной Бахрахом и Барацем, о чем была речь выше. Вряд ли стоит повторять, что эта схема является спорной; в частности, хотя она и имеет целью анализ и контекстуализацию понятия власти, подразумеваемого одно-, дву- и трехмерным взглядами на власть, я совсем не имею в виду, что она обязательно будет принята всеми приверженцами каждого из этих взглядов. Одна из причин, конечно, в том, что эта схема разработана в перспективе, задаваемой трехмерным взглядом, который инкорпорирует два первых и потому идет дальше, чем они.

Из схемы видно, что власть может быть, а может и не быть формой влияния — это зависит от того, имеют ли место санкции; а влияние и авторитет, в свою

очередь, могут быть, а могут и не быть формой власти — это зависит от того, имеет ли место конфликт интересов. Поэтому консенсусный авторитет, когда нет конфликта интересов, не является формой власти.

Вопрос о том, является ли рациональное убеждение формой власти и влияния, здесь вполне прояснить не представляется возможным. Во всяком случае, я бы ответил на него так: и да, и нет. «Да» потому, что это форма значимого воздействия: *A* заставляет (является причиной) *B* делать то или думать так, что и как он иначе не делал бы или не думал бы. «Нет» потому, что *B* автономно принимает доводы *A*, так что можно сказать, что не *A*, а аргументы *A* или их принятие со стороны *B* — вот, что является причиной изменений, произошедших с *B*. Мне кажется, что в данном случае мы имеем дело с фундаментальной (кантовской) антиномией между причинностью, с одной стороны, и автономией и разумом, с другой. Я не вижу способов разрешить эту антиномию: здесь просто два противоположных концептуальных подхода.

Далее возникает вопрос: возможно ли, чтобы *A* осуществлял власть над *B*, имея в виду реальные интересы *B*? То есть предполагается, что существует конфликт между предпочтениями *A* и *B*, но предпочтения *A* соответствуют реальным интересам *B*. На это можно дать два ответа. (1) *A* может осуществлять «краткосрочную власть» над *B* (при наличии наблюдаемого конфликта субъективных интересов), но как только *B* осознает свои действительные интересы, властные отношения заканчиваются: они самоуничтожаются. (2) Все или почти все формы контроля (попыток контроля или его достижения) со стороны *A* в отношении *B*, когда *B* возражает или сопротивляется, представляют собой нарушение автономии *B*; реальный интерес *B* состоит в обладании автономией; поэтому такое осуществление власти не может соответствовать реальным интересам *B*.

Ясно, что первый ответ может быть использован для оправдания патерналистской тирании; второй же пре-

доставляет аргументы для анархистской защиты от тирании, представляя все или почти все случаи влияния как проявления власти. Принимая логику второго ответа, я склоняюсь к тому, чтобы выбрать первый, опасности которого можно избежать, обращая внимание на эмпирическую основу реальных интересов. Выявление этих интересов — дело не *A*, но *B*, который осуществляет выбор в условиях относительной автономии и, в частности, независимо от власти *A* (то есть посредством демократического участия)¹⁴.

ВЛАСТЬ И ИНТЕРЕСЫ

Я определил понятие власти, говоря, что *A* осуществляет власть над *B*, когда *A* воздействует на *B* таким образом, который противоречит интересам *B*. Однако понятие «интересов» является непреодолимо оценочным понятием (Balbus 1971, Connolly 1972): если я говорю, что нечто соответствует вашим интересам, я имею в виду, что вы вроде бы уже заявляли это, и если я говорю, что «политика *x* проводится в интересах *A*», это выглядит как оправдание соответствующей политики. В целом разговор об интересах открывает возможность для нормативных суждений морального и политического характера. Поэтому неудивительно, что различные представления о том, *что же такое* интересы, ассоциируются с различными моральными и политическими позициями. Говоря очень грубо, можно сказать, что либералы воспринимают людей такими, какие они есть, и, применяя к ним принципы, касающиеся желаний, связывают их интересы с тем, чего они в действительности желают или что предпочитают, с их политическими предпочтениями, проявляющимися в их политическом участии¹⁵. Реформисты, видя, что в политической си-

¹⁴ Относительно последнего пункта см. работы Питера Бахраха.

¹⁵ См.: Barry 1965 и мою реакцию в Lukes 1967.

І. Власть: Радикальный взгляд

стеме желаниям людей придается разный вес, и сетуя по этому поводу, также связывают их интересы с тем, чего они в действительности желают или что предпочитают, но допускают, что эти интересы могут заявлять о себе не столь прямым и не явно политическим образом — в форме искаженных, невыраженных или скрытых желаний и предпочтений. Радикалы же считают, что сами желания людей могут быть производными от системы, которая работает против их интересов, и в таких случаях связывают последние с тем, чего бы люди желали и что бы предпочитали, если бы могли делать выбор¹⁶. В каждом из этих трех случаев выделяется определенный сегмент всего класса действительных и потенциальных желаний в качестве соответствующего объекта моральной оценки. Говоря кратко, я считаю, что одномерный взгляд на власть предполагает либеральное понимание интересов, двумерный — реформистское, а трехмерный — радикальное. (И я бы сказал, что любой взгляд на власть опирается на некоторое специфическое понимание интересов.)

СРАВНЕНИЕ ТРЕХ ВЗГЛЯДОВ НА ВЛАСТЬ

А теперь перейдем к рассмотрению сильных и слабых сторон трех взглядов на власть, которые были описаны выше.

Достоинства учета принятых решений или одномерного взгляда очевидны и неоднократно отмеча-

¹⁶ Ср. с «первым приближением» Конноли к определению реальных интересов: «Политика x в большей степени соответствует интересам A , чем политика y , если A , имея возможность испытать результаты как x , так и y , выбрал бы x как более подходящий для него результат» (Connolly 1972: 472). Я тоже связываю реальные интересы с (относительной) автономией и выбором. Но, конечно, здесь необходимо серьезное обсуждение природы автономии и ее условий (а также ее соотношения с социальной детерминацией). См.: Lukes 1973, гл. 8, 18, 20.

лись: благодаря этому подходу, снова говоря словами Мерельмана, плюралисты «изучали актуальное поведение, акцентировали операционные определения и собирали факты» (Merelman 1968a: 451). Однако проблема в данном случае в том, что, изучая принятие важных решений в рамках сообщества, они просто усваивали и воспроизводили пристрастия системы, которую изучали. Анализируя решения, касающиеся городского развития, государственного образования и выдвижения депутатов на выборы, Даль сообщает нам много интересного о власти, принимающей решения в Нью-Хейвене. Он показывает, что различные проблемные сферы существуют независимо друг от друга и что в общем и целом разные индивиды осуществляют власть в разных сферах, а потому ни отдельные группы индивидов, ни, как следствие, какая-то единая элита не обладают властью принимать решения сразу во всех проблемных сферах. Затем он указывает на то, что в процессе принятия решений учитываются преференции граждан, так как избранные политики и должностные лица, принимающие эти решения, имеют в виду результаты будущих выборов. Он пишет, что было бы «неразумным недооценивать степень косвенного влияния избирателей, посредством выборов, на решения, принимаемые руководителями» (Dahl 1961: 101): ни один из вопросов, имеющих значение для первых, не может долго игнорироваться последними. Таким образом, Даль изображает плюралистическую политику как многообразную и открытую. Он пишет: «Независимость, прозрачность и неоднородность различных сегментов политического пространства просто гарантируют, что любая неудовлетворенная группа найдет того, кто будет выражать ее озабоченность в этом пространстве» (р. 93). Однако многообразие и открытость, на которые указывает Даль, могут быть весьма обманчивы, если власть осуществляется в рамках системы с целью ограничиться принятием решений лишь по приемлемым вопросам. Индивиды и эли-

ты, принимая приемлемые решения, могут действовать отдельно, но могут действовать и сообща — или вообще не действовать — таким образом, чтобы оставлять неприемлемые вопросы за пределами политического пространства и тем самым не позволять системе быть более разнообразной, чем она есть. Как было отмечено, «политическое пространство, которое является плюралистическим в области принятия решений, может быть объединено непринятием решений» (Crenson 1971: 179). Подход, делающий акцент на принятии решений, не позволяет удерживать в поле внимания такую возможность. Даль заключает, что система является прозрачной и доступной для любой неудовлетворенной группы, но он делает такое заключение на основании изучения лишь удачных случаев и совсем не исследует случаи неудачные. Более того, тезис о косвенном влиянии на лидеров со стороны электората можно перевернуть. Такое косвенное влияние равным образом может побуждать политиков, должностных лиц и других отказываться ставить вопросы или выдвигать предложения, о которых известно, что они неприемлемы для некоторой группы или институции в рамках сообщества. Это может служить интересам элиты, а не только электората. Короче говоря, одномерный взгляд на власть не может выявить менее заметные способы действия системы в пользу одних групп и вопреки интересам других.

Двумерный взгляд открывает некоторую возможность такого выявления, что само по себе уже является значительным шагом вперед, однако он ограничивается изучением ситуаций, когда мобилизация пристрастий может быть обнаружена в случае принятия индивидуальными решениями, которые имеют своим следствием исключение поддающегося наблюдению недовольства (явного или скрытого) из рассмотрения в ходе политического процесса. Я думаю, что это по большей части связано со слабостью и неадекватностью того анализа бедности, расовых и политических проблем в Балтиморе, кото-

рый предложили Бахрах и Барац. Все, чего они в данном случае достигли, это описание различных решений, принимаемых мэром и ведущими бизнес-структурами, целью которых было не допустить, чтобы только еще созревающие требования черных балтиморцев стали политически опасными проблемами — посредством произведения определенных назначений, создания специальных рабочих групп для смягчения проблем бедности, поддержания определенных программ социального обеспечения и проч., — а также описание того, как черные добились доступа в политическое пространство благодаря открытой борьбе, включая массовые беспорядки. Этот анализ является поверхностным именно потому, что он ограничивается рассмотрением индивидуальных решений, принятых с целью предотвратить превращение потенциально опасных требований в политические. Более глубокий анализ также должен был бы быть направлен на рассмотрение всех тех сложных и едва различимых способов, благодаря которым бездействие руководителей и просто влияние институтов — политических, промышленных и образовательных — столь долгое время не допускали черных в политическое пространство Балтимора; и более того, долгое время блокировали даже попытки с их стороны в это пространство пробиться.

Трехмерный взгляд позволяет проводить такого рода анализ. Другими словами, он открывает перспективу серьезного социологического, а не только субъективного объяснения, каким образом политические системы препятствуют тому, чтобы требования становились политическими проблемами, или даже тому, чтобы они просто были заявлены. И здесь мы сталкиваемся с классическим возражением плюралистов: как мы это можем изучать, а тем более объяснять? Полсби пишет:

Говорят, что отсутствие события может быть более значимым для политического процесса, чем те события, которые имеют политическое значение. Такого

І. Власть: Радикальный взгляд

рода заявления по-своему убедительны и достойны внимания, однако они создают непреодолимые препятствия для исследования. Мы очень быстро и глубоко увязнем, если согласимся с тем, что не-события гораздо более важны, чем события, и будем выяснять, *какие именно* не-события следует считать наиболее значимыми для сообщества. Разумеется, не все. Для каждого происходящего события (неважно, как его определять) должно быть бесконечное число альтернатив. И тогда какие не-события следует рассматривать как значимые? Один из удовлетворительных ответов на этот вопрос может быть таким: результаты, которые достигнуты не были, но которых желало значительное число акторов в сообществе. Если стремление к этим результатам каким-то образом обнаруживается членами сообщества, тогда есть основания ожидать, что использованный в Нью-Хейвене исследовательский метод даст результаты. Всецело неудовлетворительный ответ: некоторые не-события, избранные внешними наблюдателями без всякой привязки к устремлениям или деятельности членов сообщества. Такой ответ неудовлетворителен, потому что негоже внешним наблюдателям выбирать среди всех возможных, но не достигнутых результатов такие, которые они считают важными, а члены сообщества — нет. Подобный подход ставит под сомнение результаты исследования... (Polsby 1963: 96–97)

Так же и Волфинджер замечает, что «бесконечное многообразие возможных не-решений... указывает на приемлемость этой идеи для разных идеологических перспектив» (Wolfinger 1971a: 1078). Более того, допустим, что мы создали «теорию политических интересов и рационального поведения», описывающую, как люди, будучи предоставленными самим себе, будут вести себя в определенных ситуациях, а затем мы используем эту теорию для того, чтобы подтвердить идею, что если люди не ведут себя соответствующим образом, значит, это следствие осуществления власти. В таком слу-

чае, говорит Волфинджер, мы не можем сделать выбор между двумя возможностями: или здесь налицо осуществление власти, или неверна теория (р. 1078).

Первое, что можно сказать в противовес этим очевидно сильным аргументам: здесь мы имеем дело со сдвигом от методологической трудности к сущностному утверждению. Из того, что трудно и даже невозможно показать, что в определенной ситуации имело место осуществление власти, никоим образом не следует, что такого осуществления власти не было. Но — и это более важно — я не думаю, что невозможно выявить такого рода осуществление власти.

Что такое осуществление власти? Что значит осуществлять власть? Более внимательный взгляд обнаруживает, что выражение «осуществление власти» (или «осуществлять власть») содержит в себе по крайней мере два проблематичных момента.

Прежде всего, в обычном употреблении оно несет в себе вдвойне неудачную коннотацию: порой считается, что осуществление власти является одновременно индивидуалистическим и интенциональным, то есть имеется в виду, что это дело индивидов, сознательно действующих ради оказания влияния на других. Некоторые затрудняются говорить об «осуществлении» власти группами, институтами или коллективами, а также о том, что индивиды или коллективы делают это бессознательно. Это интересный пример присутствия в нашем языке индивидуалистических и интенциональных представлений, но само по себе это не значит, что мы должны разделять эти представления. Далее я предлагаю отказаться от таких представлений и говорить об осуществлении власти либо индивидами, либо группами, институтами и т.п., а также либо сознательно, либо нет. Негативное обоснование такого употребления выражения «осуществлять власть» (*the exercise of power*) состоит в том, что у нас нет другого подходящего слова (английское *exert* несколько отличается от *exercise*); ниже я изложу позитивное обоснование.

Другой проблематичный момент, связанный с выражением «осуществлять власть», состоит в том, что оно скрывает интересную и важную двойственность. Я ссылался выше на определение, данное Далем: *A* заставляет *B* делать нечто, чего тот иначе не сделал бы. Однако это слишком простое определение.

Предположим, что *A* может *обычно* воздействовать на *B*. Это значит предположить, что на фоне того, что можно назвать обычной ситуацией, если *A* совершает *x*, он заставляет *B* сделать нечто, чего тот иначе не сделал бы. Предположим, однако, что то же самое справедливо и по отношению к *A1*. Он тоже обычно может воздействовать на *B*: его действие — *y* — тоже является *достаточным* для того, чтобы заставить *B* сделать нечто, чего тот иначе не сделал бы. *A* теперь предположим, что *A* и *A1* действуют в отношении *B* одновременно и *B*, соответственно, изменяет свои действия. В данном случае ясно, что действия *B* оказываются сверхдетерминированными: и *A*, и *A1* воздействуют на *B*, «осуществляя власть», но результат является таким же, как если бы воздействовал лишь один из них. И здесь бессмысленно спрашивать, кто из них достиг результата, то есть кто добился изменений в действиях *B*: оба добились. Они оба в каком-то смысле «осуществили власть», то есть власть, *достаточную* для достижения результата, однако невозможно сказать, что *кто-то* из них добился результата. Назовем такое «осуществление власти» *оперативным*.

Сравним этот случай с другим случаем, когда *A* добился результата: то есть на фоне обычной ситуации *A*, совершив *x*, действительно заставил *B* сделать то, что тот иначе не сделал бы. Здесь *x* является вмешивающейся причиной, которая нарушает обычное течение событий, — по сравнению с первым случаем сверхдетерминации, когда гипотетически налицо два достаточных вмешивающихся условия, так что ни об одном нельзя сказать как о причине достижения результата просто в силу присутствия другого: там обычное те-

чение событий нарушено присутствием другого достаточного вмешивающегося условия. Здесь же, напротив, можно сказать, что вмешательство *A* было причиной достижения результата. Назовем такое «осуществление власти» *эффективным*.

(Здесь уместно ввести и другое различие, касающееся того, *какого* результата достиг *A*. *A* хочет, чтобы *B* сделал нечто определенное, но, осуществляя над ним эффективную власть, он может достигать этого самими разными способами. Только в том случае, когда изменение в действиях *B* соответствует желаниям *A*, то есть когда *A* обеспечивает согласие со стороны *B*, мы можем собственно говорить о результативном осуществлении власти: здесь «воздействие» становится «контролем». И именно этот случай результативного осуществления власти, то есть обеспечения согласия, является предметом исключительного внимания Бахраха и Бараца. Результативное осуществление власти можно рассматривать как подвид эффективного осуществления власти, хотя можно сказать, что если оперативное осуществление власти имеет своим результатом согласие, мы также имеем дело с [недетерминированной] формой ее результативного осуществления).

Теперь мы можем обратиться к анализу того, что же именно позволяет нам обнаружить осуществление власти. Такое обнаружение предполагает среди прочего два момента: *A* действует (или не действует) определенным образом, а *B* делает нечто, чего иначе не сделал бы (здесь я употребляю слово «делает» в очень широком смысле, включающим «думает», «желает», «чувствует» и проч.). В случае эффективного осуществления власти *A* заставляет *B* делать то, что тот иначе не сделал бы; в случае оперативного осуществления власти *A* вместе с кем-то другим или в сочетании с другим достаточным условием заставляет *B* делать то, чего тот иначе не сделал бы. Отсюда, в общем, любое обнаружение осуществления власти (включая, конечно, и те, что предложили Даль и его коллеги) всегда пред-

полагает соответствующую контрфактичность: в противном случае (для *A* или для *A* вместе с другим достаточным условием) *B* сделал бы, скажем, *b*. Это одна из причин того, что столь многие авторы (ошибочно) считают действительный, наблюдаемый конфликт существенным моментом власти (хотя для этого, без сомнения, существуют и другие теоретические и, конечно же, идеологические причины). Ибо такой конфликт представляет собой, так сказать, уже готовую контрфактичность. Если *A* и *B* пребывают в состоянии конфликта друг с другом, поскольку *A* стремится к *a*, а *B* — к *b*, тогда в случае победы *A* над *B* мы можем говорить о том, что в противном случае *B* сделал бы *b*. Там же, где нет наблюдаемого конфликта между *A* и *B*, мы должны обнаружить другие основания для того, чтобы иметь соответствующую контрфактичность. То есть мы должны найти другие, косвенные, основания для утверждения, что если *A* не будет действовать (или не действовать) определенным образом (а в случае оперативной власти — если не будут наличествовать другие достаточные условия), тогда *B* будет думать и действовать отлично от того, как он теперь думает и действует. Короче говоря, нам нужно обосновать наши ожидания, что *B* будет думать и действовать иначе; и нам также нужно определить средства или механизм, посредством которых *A* действует (или воздерживается от действия) таким образом, который позволяет воспрепятствовать *B* действовать так, как он действует.

Я не вижу причин, почему эти утверждения не могут быть в принципе подтверждены, хотя и не считаю это легким делом. Для того чтобы это сделать, нужно, конечно, пойти гораздо глубже по сравнению с теми вариантами анализа власти, которые существуют в современной политической науке и социологии. К счастью, книга Мэтью Кренсона «Не-политика загрязнения воздуха: исследование непринятия решений в городах» (Crenson 1971) представляет собой хороший пример того, как можно двигаться к выполнению поставленной

задачи. Теоретический подход этой книги, можно сказать, занимает пограничное положение между двумерным и трехмерным взглядами на власть, и, по моему мнению, это серьезная попытка эмпирически применить первый взгляд наряду с некоторыми элементами второго. А потому эта книга представляет собой теоретический прорыв в эмпирическом изучении властных отношений.

В книге содержится явная попытка найти способ объяснения «вещей, которые не происходят», исходя из идеи, что «подлинным объектом исследования является не политическая деятельность, а политическое бездействие» (р. vii, 26). Автор спрашивает, почему в одних американских городах вопрос о загрязнении воздуха был поставлен раньше и решался эффективнее, чем в других. Другими словами, его целью является «выявить... почему многие города в Соединенных Штатах не сделали политический вопрос о загрязнении воздуха насущной проблемой» (р. vii) и тем самым пролить свет на характер местных политических систем — в особенности с точки зрения их «прозрачности». Сначала он показывает, что различия в отношении к вопросу загрязнения можно свести к разнице в уровне загрязнения или к социальным характеристикам населения города. Затем он подробно исследует два города в Индиане, которые расположены рядом, одинаково загрязнены и имеют схожее по своим характеристикам население. Один из них, Восточный Чикаго, занялся очищением своего воздуха в 1949 году, тогда как другой, Гэри, только в 1962 году. Говоря кратко, объяснение Кренсоном разницы состоит в следующем: Гэри — город с одной доминирующей компанией (*US Steel*) и с хорошо организованной партийной структурой, тогда как в Восточном Чикаго в тот момент, когда был введен контроль за загрязнением воздуха, было несколько сталелитейных компаний и не было сильной партийной структуры.

Автор показывает (приводя убедительные детали), что компания *US Steel*, которая построила город и была

ответственна за его процветание, долгое время эффективно препятствовала тому, чтобы вопрос о загрязнении воздуха просто возник, используя свою репутацию для предотвращения вполне ожидаемых реакций; затем в течение ряда лет она сопротивлялась попыткам поднять этот вопрос и оказала решающее влияние на содержание тех мер против загрязнения, которые в конце концов были приняты. Более того, компания делала все это за пределами политического пространства. «Для власти сама ее репутация, без всякой поддержки посредством действий власти», была «достаточно, чтобы препятствовать возникновению вопроса о загрязнении воздуха» (р. 124); и когда этот вопрос наконец возник (в значительной мере из-за угрозы вмешательства со стороны федеральной власти или власти штата), «*US Steel* оказала влияние на содержание мер против загрязнения, не предпринимая никаких специальных действий, и таким образом проигнорировала мнение плюралистов, согласно которому политическая власть принадлежит политическим акторам» (р. 69–70). Как считает Кренсон, *US Steel* оказывала влияние «из тех точек, которые находятся за пределами наблюдаемого политического поведения... Хотя корпорация редко непосредственно вмешивалась в дискуссии по вопросу о загрязнении окружающей среды, которую вели те, кто определяет городскую политику, она тем не менее смогла воздействовать на масштаб и направление этой дискуссии» (р. 107). Он пишет:

Активисты, выступавшие за антиполлюционные меры в Гэри, долго не могли заставить *US Steel* занять ясную позицию. Один из них, вспоминая те мрачные времена, когда велась дискуссия по поводу загрязнения воздуха, говорил об уклончивости крупнейшей индустриальной корпорации города как о решающем факторе, не позволившем на раннем этапе дискуссии ввести соответствующие меры контроля за загрязнением. Представители компании, говорил он, лишь сочувственно кивали «и соглашались с тем,

что загрязнение ужасное, и гладили вас по голове. Но они никогда ничего *не делали*. И только если бы началась борьба, что-нибудь могло бы сдвинуться с места!». То, чего *US Steel* не делала, было, возможно, более важным для всей истории с загрязнением в Гэри, чем то, что она делала (р. 76–77).

Затем автор переходит от подробного рассмотрения этих двух случаев к сравнительному анализу данных, собранных в ходе интервью с политическими лидерами из 51 города; целью интервью была проверка гипотезы, возникшей в ходе изучения этих частных случаев. Кратко говоря, его вывод заключался в том, что «вопрос о загрязнении воздуха с трудом привлекает достаточное внимание в тех городах, где промышленность обладает особой репутацией в глазах власти» (р. 145), и что «там, где промышленность молчит о загрязнении воздуха, у вопроса о мерах по борьбе с загрязнением шансы на присутствие в повестке резко снижаются» (р. 124). Кроме того, сильная и влиятельная партийная организация также препятствует повышению внимания к вопросу о загрязнении, поскольку требование чистого воздуха вряд ли способно принести особую выгоду американским партийным машинам, — хотя там, где у промышленности высокая репутация, сильная партия увеличивает шансы на сохранение в повестке вопроса о загрязнении, поскольку она будет стремиться приобрести влияние, которым пользуется промышленность. В целом Кренсон убедительно показывает, что вопрос о контроле над загрязнением воздуха является хорошим примером коллективного блага, специфические издержки которого связаны с промышленностью: таким образом, сопротивление последней будет сильным, если его поддержка относительно слаба, поскольку выгода от решения этого вопроса является рассеянной и не привлекает внимания партийных лидеров, озабоченных своим влиянием. Более того, Кренсон обращает внимание на очень

интересную вещь (вопреки плюралистам): политические проблемы взаимосвязаны, и таким образом одни коллективные проблемы активизируют другие коллективные проблемы, и наоборот. Так, «продвигая один вопрос из политической повестки, гражданские активисты могут достичь успеха в продвижении других проблем» (р. 170):

там, где бизнес и промышленное развитие являются предметом локальной озабоченности, проблема загрязнения воздуха игнорируется. Выдвижение на первый план одной проблемы приводит к вытеснению другой на второй план, и подобная взаимосвязь ставит под вопрос мнение плюралистов, что различные политические проблемы возникают и утрачивают значимость независимо друг от друга (р. 165).

Общая идея Кренсона состоит в том, что существуют «политически установленные ограничения на область принятия решений», так что «деятельность по принятию решений канализируется и направляется посредством процесса непринятия решений» (р. 178). Иными словами, плюрализм не является «гарантией политической открытости или народного суверенитета»; ни изучение процесса принятия решений, ни существование «видимого многообразия» ничего не скажут нам о «тех группах и проблемах, которые могут быть не допущены в политическую жизнь города» (р. 181).

Я сказал выше, что теоретическая установка анализа Кренсона располагается между двумерным и трехмерным взглядами на власть. С одной стороны, это двумерное изучение непринятия решений в духе Бахраха и Бараца. С другой стороны, он идет дальше той позиции, которая обозначена в их книге, в трех отношениях. Во-первых, он не интерпретирует непринятие решений бихевиоралистски — как то, что обнаруживается только в решениях (отсюда акцент на неделании: «то, чего *US Steel* не делала...»). Во-вторых, его интерпретация не является индивидуалистской и включает

в себя институциональную власть¹⁷. В-третьих, он рассматривает вопрос о том, каким образом осуществление такой власти имеет следствием то, что определенные требования вообще не возникают: так,

местные политические формы и практики могут даже подавлять способность граждан трансформировать некое рассеянное несогласие в ясно выраженное требование. Короче говоря, в политических институтах существует нечто вроде неартикулированной идеологии, причем даже в тех институтах, которые кажутся наиболее открытыми, гибкими и ничем не связанными. Это идеология в том смысле, что она побуждает к выборочному восприятию и выражению социальных проблем и конфликтов... (р. 23).

И таким образом «локальные политические институты и политические лидеры могут... в значительной степени контролировать то, о чем люди заботятся и насколько сильно они выражают свою озабоченность» (р. 27): ограничение сферы принятия решений может «останавливать рост политического сознания в местном обществе», препятствуя распространению мнений меньшинства за пределами меньшинства и лишая «меньшинство возможности превратиться в большинство» (р. 180–181).

Анализ Кренсона является впечатляющим, потому что он отвечает двойному требованию, о котором говорилось выше: есть все основания ожидать, что при других равных условиях люди не отравятся (имея в виду, в частности, что контроль за загрязнением не обязательно означает безработицу) — даже если они и не

¹⁷ С другой стороны, использование Кренсоном репутационного метода для локализации власти приводит его к акцентированию *мотивов* промышленников, политических лидеров и т.д., и таким образом он игнорирует «возможность более безличных, структурных и систематических объяснений»; например, не учитывается, что «определенные формы городского управления в Соединенных Штатах плохо приспособлены для того, чтобы иметь дело с этим частным вопросом» загрязнения воздуха (Newton 1972: 487).

артикулировали это предпочтение; и есть веские доказательства того, что институты, конкретно *US Steel*, в основном посредством уклонения от действий, воспрепятствуют тому, чтобы стремление людей не быть отравленными превратилось в действие (хотя другие факторы, институциональные и идеологические, требуют более полного объяснения). Таким образом, оказываются обоснованными как соответствующая контрфактичность, так и обнаружение механизма власти.

ЗАТРУДНЕНИЯ

И все же закончить я хочу на проблематичной ноте, обратив внимание на затруднения, которые возникают при трехмерном взгляде на власть. Они касаются, во-первых, обоснования соответствующей контрфактичности, а во-вторых, обнаружения механизма или процесса предполагаемого осуществления власти.

Прежде всего, объяснение соответствующей контрфактичности далеко не всегда бывает столь простым и ясным, как в случае с загрязнением воздуха в городе Гэри, штат Индиана. В этом примере есть ряд аспектов, которые могут отсутствовать, если обратиться к другим примерам. Во-первых, оценочное суждение, присутствующее в определении стремления граждан Гэри не быть отравленными, вряд ли можно поставить под вопрос, поскольку оно, как говорит Кренсон, опирается на «мнение наблюдателя, касающееся ценности человеческой жизни» (р. 3). Во-вторых, эмпирическая гипотеза, согласно которой граждане, если бы у них был выбор и если бы они обладали более полной информацией, предпочли бы не быть отравленными, слишком убедительна (имея в виду, что такая альтернатива не связана с ростом безработицы). И в-третьих, Кренсон представляет сравнительные данные, подтверждающие, что в иных условиях, когда власть не принимать решения не осуществлялась или же осуществлялась

в меньшей степени, люди с подобными социальными характеристиками сделали свой выбор и навязали его или же сделали это с меньшими трудностями¹⁸.

Однако порой объяснить причины отсутствия соответствующих действий крайне сложно. Можем ли мы всегда считать, что жертвы несправедливости и неравенства будут бороться за справедливость и равенство? Как насчет культурной относительности ценностей? Не является ли это представление формой этноцентризма? Почему не сказать, что согласие относительно системы ценностей, которую «мы» отвергаем (например, ортодоксальный коммунизм или кастовая система), является случаем подлинного консенсуса относительно различных ценностей? Но даже здесь эмпирическое подтверждение нельзя считать невозможным. Можно даже привести доказательства (которые в соответствии с самой природой этого случая должны быть косвенными) того, что очевидный консенсус — не подлинный, но навязанный (хотя будут и смешанные случаи, касающиеся различных групп и различных компонентов ценностной системы).

Где можно найти такие доказательства? В «Тюремных тетрадах» Антонио Грамши есть очень интересный пассаж, где он касается этого вопроса. Грамши говорит о «мысли и деле, то есть о сосуществовании двух мировоззрений — одного, утверждаемого на словах, и другого, проявляющегося в реальных делах» (Грамши 1980: 314). Когда подобное различие «обнаруживается в жизненных проявлениях широких масс», пишет Грамши, оно

не может не быть выражением более глубоких противоречий социально-исторического порядка. Это

¹⁸ В то же время следует отметить, что его статистическая корреляция невелика (наиболее высокий показатель — 0.61, но по большей части показатели варьируются от 0.20 до 0.40). Строго говоря, Кренсон предлагает в высшей степени убедительную гипотезу, которая не опровергается его данными, но лишь ими поддерживается.

I. Власть: Радикальный взгляд

значит, что когда социальная группа, имеющая собственное мировоззрение (пусть существующее еще только в зародыше, проявляющееся лишь в ее действиях и, следовательно, не постоянно, а от случая к случаю), приходит в движение как органическое целое, она, будучи интеллектуально зависима от другой социальной группы и подчинена ей, руководствуется не своим мировоззрением, а позаимствованным ею у этой другой группы. Она утверждает это мировоззрение на словах и даже верит в необходимость следовать ему, потому что она следует ему в «нормальные времена», то есть когда ее поведение еще не стало независимым и самостоятельным, а остается подчиненным и зависимым (с. 315)¹⁹.

Хотя можно не соглашаться с приписыванием какой-либо социальной группе «ее собственного понимания мира», как это делает Грамши, было бы крайне полезно (не делая окончательных выводов) посмотреть, как люди ведут себя в «ненормальные времена», когда (гипотетически) «подчинение и зависимость» либо отсутствуют, либо минимизированы, когда аппарат власти ослаблен или недееспособен. Сам Грамши приводит пример «судьбы церквей и религий»:

Религия или какая-то определенная церковь удерживает общность своих верующих (в известных рамках потребностей общего исторического развития) в той мере, в какой она поддерживает, постоянно и организованно, собственную веру, без усталости повторяя свою апологетику, защищая ее каждое мгновение и всегда при помощи одинаковых аргументов, взяв на свое содержание целую иерархию интеллигентов, призванных придавать этой вере хотя бы внешнее достоинство мысли. Всякий раз, когда непрерывность отношений между церковью и верующими прерывалась насильственно, по политическим причинам, как это произошло во вре-

¹⁹ Отметим, что здесь Грамши опирается на понятие автономии.

мы Французской революции, потери, понесенные церковь, были неисчислимы (с. 328).

В качестве современного примера можно привести реакцию чехов на ослабление аппарата власти в 1968 году.

Однако доказательства можно искать и в «нормальные времена». Мы хотим обнаружить, как осуществление власти предупреждает действия, а порой даже и мысли людей. Поэтому мы должны исследовать, как люди реагируют на возможность — или, точнее, осознанную возможность — избавиться от подчиненного положения в иерархических системах, когда такая возможность возникает. В этой связи данные об уровнях социальной мобильности приобретают новое и поразительное теоретическое значение. Кастовую систему часто считают удачным «примером подлинного консенсуса относительно различных ценностей». Однако недавняя дискуссия о «санскритизации» указывает на обратное. Согласно Шринивасу, кастовая система —

совсем не ригидная система, в которой положение каждой из составляющих ее каст закреплено раз и навсегда. В ней всегда оставалась возможность движения, особенно на средних уровнях иерархии. Каста более низкого положения могла за одно или два поколения подняться на более высокую позицию в иерархии, усвоив вегетарианство и трезвенничество, а также санскритизировав свои ритуалы и пантеон. Кратко говоря, она воспринимала, насколько это возможно, обычаи, обряды и верования браминов. И восприятие браминского образа жизни кастой низшего уровня представляется весьма нередким явлением, хотя теоретически это и было запрещено. Этот процесс получил название «санскритизации» (Srinivas 1952: 30).

Шринивас полагает, что «экономическое развитие... способствует санскритизации обычаев и образа жизни группы», что само по себе зависит от «коллективного желания возвыситься в глазах друзей, соседей и соперников» и приводит к «усвоению методов, благода-

ря которым статус группы повышается» (Srinivas 1962: 56–57). Такому желанию обычно предшествует накопление богатства, но не менее важны и другие факторы: обретение политической власти, образование и лидерство. Кратко говоря, факты показывают, что существует значительное различие между «расхожим представлением» о кастовой системе и тем, как она функционирует в действительности (Srinivas 1962: 56). То, что внешнему наблюдателю может казаться ценностным консенсусом, освящающим тщательно выстроенную и непоколебимую иерархию, на самом деле скрывает тот факт, что осознанные возможности для низших каст подняться вверх внутри системы весьма часто, даже если и не всегда, реализуются.

Здесь можно возразить, заметив, что это не очень убедительный пример, поскольку продвижение снизу вверх внутри иерархической системы предполагает принятие этой иерархии, так что касты, идущие по пути санскритизации, не отвергают, а принимают существующую ценностную систему. На сказанное в свою очередь можно возразить, что это как раз и является случаем разрыва между мыслью и действием, поскольку усвоение браминского образа жизни кастами низшего уровня теоретически запрещено и в целом положение касты считается фиксированным, переходящим из поколения в поколение и неизменным.

Однако можно привести и другие, менее двусмысленные, доказательства, касающиеся индийской кастовой системы, — в пользу утверждения, что интериоризация подчиненного статуса является следствием власти. Примем во внимание воздействие введения всеобщего избирательного права на принятие низшими кастами принципа иерархии²⁰. Еще более показа-

²⁰ См., например: Somjee 1972. Сомджи пишет, что в деревне, которую он изучал, «в ходе пяти последовательных выборов в панчаят постепенно снижались уважение к старшим, сплоченность касты и групп, объединенных

тельны способы «выхода из положения» со стороны неприкасаемых, прежде всего массовый переход в другие религии²¹. В разные периоды своей истории неприкасаемые принимали ислам²², христианство и буддизм²³, потому что те провозглашали эгалитарные принципы и давали надежду на освобождение от кастовой дискриминации²⁴.

Итак, я делаю вывод, что в целом можно говорить о доказательствах (хотя, учитывая природу определенного случая, эти доказательства никогда не будут окончательными), подтверждающих соответствующую контрфактичность, неявно присутствующую в осуществлении власти трехмерного типа. Можно постараться выяснить, что люди делали бы в противном случае.

родством, а также статус семьи. Выборный принцип, который был положен в основу структурных изменений, оказался грубым посягновением на социополитический континуум традиционного общества. Всеохватные тенденции, коренящиеся в старой социальной организации и воздействующие на структуру общинной политики и отношение общины к авторитету, стали угасать» (р. 604).

²¹ См.: Isaacs 1964, особенно гл. 12 «Ways Out».

²² См.: Lewis (ed.) 1967, vol. viii: 428–429. Когда мусульмане в XI и XII веках завоевали индийские города с кастовой системой, «эгалитаристские принципы привлекли в лоно ислама большое число индийцев, не входивших в касты и составлявших профессиональные группы» (Ibid.).

²³ Наиболее характерный недавний пример — массовое обращение неприкасаемых в буддизм в период лидерства Б.К. Амбедкара в 1956 году. В своей знаменитой речи в 1936 году Амбедкар сказал: «Самоуважение не позволяет мне принять индуизм... Говорю вам, религия для людей, а не люди для религии... Религия, которая не признает в вас людей, или не дает вам напиток воды, или не позволяет вам входить в храмы, недостойна именоваться религией...» (цит. по: Isaacs 1964: 173).

²⁴ Хотя разделявшие касты линии фактически сохранились в социальных системах христиан и мусульман (см.: Isaacs 1964: 171).

Переходя ко второму затруднению, следует задать-ся вопросом: как можно выявить процесс или механизм предполагаемого осуществления власти согласно трехмерному взгляду? (Я оставляю в стороне проблему обнаружения оперативного осуществления власти, то есть проблему свехдетерминации; это отдельный вопрос). Есть три аспекта, отличающие трехмерный взгляд, которые порождают особо острые проблемы для исследователя. Как уже говорилось, такое осуществление власти предполагает, во-первых, скорее недействие, чем (наблюдаемое) действие. Во-вторых, это осуществление может быть бессознательным (это допускает и двумерный взгляд, но он также настаивает на том, что непринятие решения есть решение, и без дальнейших разъяснений бессознательное решение выглядит как противоречие). И наконец, в-третьих, власть может осуществляться коллективными образованиями, то есть группами или институтами. Рассмотрим эти три затруднения.

Первое — недействие. Здесь мы снова имеем дело с не-событием. И конечно, если подавление потенциальной проблемы связывается с недействием, мы имеем *двойное* не-событие. Как можно выявить такую ситуацию эмпирически? Для того чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего нужно понять, что недействие необязательно должно быть лишенным характерных черт не-событием. Несовершение некоторого действия в данной ситуации вполне может иметь специфические последствия, тогда как совершение такого действия является гипотетической возможностью с определенными последствиями. Более того, последствием недействия вполне может стать еще одно не-событие, как, например, непоявление в повестке какой-то политической проблемы, тогда как соответствующие действия гипотетически привели бы к ее возникновению. В принципе не является невозможным установить здесь причинную связь: соотношение между недействием *US Steel* и публичным молчанием

относительно загрязнения воздуха представляет собой в данном случае хороший пример.

Второе — бессознательность. Как может осуществляться власть без того, чтобы тот, кто ее осуществляет, осознавал, что он делает? Здесь полезно провести несколько различений (ради краткости, я буду далее употреблять слово «действие», имея в виду также и недействие). Не сознавать то, что ты делаешь, можно по-разному. Можно не осознавать «реального» мотива или смысла своего действия (как в стандартных фрейдистских примерах). Или же можно не сознавать, как другие истолкуют твоё действие. Можно также не сознавать последствия своего действия. Выявление бессознательного осуществления власти первого типа представляет обычные, характерные для фрейдистских объяснений, трудности установления «реального» мотива или смысла, когда интерпретации наблюдателя и наблюдаемого разнятся. Однако эти трудности хорошо известны и широко обсуждались, и они не являются специфичными для анализа власти. Выявление бессознательного осуществления власти второго типа, как представляется, не составляет особой трудности. Именно третий тип действительно проблематичен, когда от деятеля *нельзя ожидать* знания последствий своего действия. Можно ли сказать, что А осуществляет власть над В, если А просто *не может* знать о том, каковы последствия его воздействия на В? Если незнание этих последствий связано с тем, что А этого не выяснил (что исправимо), ответ будет — да. Однако если он не мог этого сделать — скажем, потому, что какое-то фактическое или техническое знание просто было ему недоступно, — тогда разговор об осуществлении власти теряет весь свой смысл. Возьмем, например, случай, когда фармацевтическая компания осуществляет крайнюю форму власти над членами общества, касающуюся жизни и смерти, продавая опасное лекарство. В данном случае утверждение,

что власть осуществляется, не подлежит опровержению, если можно показать, что специалисты и менеджеры компании не знали об опасных последствиях действия этого лекарства: они могли бы что-то предпринять, чтобы это выяснить. С другой стороны, разве табачные компании осуществляют такую власть над людьми, прежде чем возникнет предположение, что курение может приносить вред? Конечно, нет. Это означает, что если считается, что власть осуществляется бессознательно в этом смысле (то есть в неосознании ее последствий), одновременно предполагается, что тот или те, кто осуществляют власть, могли выяснить, каковы могут быть последствия. (Конечно, обоснование этого предположения ставит новые проблемы, поскольку это требует, к примеру, высказать исторические суждения относительно локуса культурно определенных границ когнитивной инновации.)

Третья трудность связана с приписыванием осуществления власти коллективным образованиям — группам, классам или институтам. Проблема заключается в следующем: когда социальная причинность может быть охарактеризована как осуществление власти или, точнее, как и где следует проводить границу между структурной детерминацией, с одной стороны, и осуществлением власти, с другой? Эта проблема часто возникала в истории марксистской мысли в контексте дискуссий о детерминизме и волюнтаризме. Так, например, в послевоенном французском марксизме крайне детерминистскую позицию занимал структуралистский марксизм Луи Альтюссера и его последователей, которая противопоставлялась так называемым «гуманистическим», «историцистским» и «субъективистским» интерпретациям таких мыслителей, как Сартр и Люсьен Гольдман, а за ними Лукача и Корша (а за ними — Гегеля), для которых исторический «субъект» имел ключевое и неотменяемое объяснительное значение. Для Альтюссера мысль Маркса, пра-

вильно понимая, — это концептуализация «детерминации элементов целого посредством структуры целого»; она «окончательно освобождает от эмпиристских антиномий феноменальной субъективности и эссенциальной интериорности» и говорит об «объективной системе, управляемой, в своих наиболее конкретных элементах, законами своего *устройства (montage)* и своей *машинерии*, спецификациями своей идеи» (Althusser and Balibar 1968, ii: 63, 71).

Последствия этой позиции с очевидностью проявились в ходе дискуссии между альтюссеррианцем Никосом Пуланцасом и британским политологом и социологом Ральфом Милибэндом по поводу книги последнего «Государство в капиталистическом обществе» (Miliband 1969). Согласно Пуланцасу, Милибэнд

сталкивается с трудностями... в понимании общественных классов и государства как *объективных структур*, а их отношений как *объективной системы регулярных связей*, структуры и системы, чьи агенты, «люди», говоря словами Маркса, являются их «носителями» — *träger*. Милибэнд все время создает впечатление, что для него общественные классы или «группы» некоторым образом сводятся к межличностным отношениям, что государство может быть редуцировано к *межличностным отношениям* членов различных «групп», которые образуют государственный аппарат, и, наконец, что само отношение между общественными классами и государством подлежит сведению к межличностным отношениям «индивидов», образующих общественные группы, и «индивидов», составляющих государственный аппарат (Poulantzas 1969: 70).

Это понимание, продолжает Пуланцас,

восходит, как мне представляется, к проблематике субъекта, постоянно обсуждавшейся в истории марксистской мысли. В соответствии с этой проблематикой, агенты общественной формации, «люди», рассматриваются не как «носители» объективных

І. Власть: Радикальный взгляд

инстанций (какими они были для Маркса), но как родовой принцип уровней социального целого. Это проблематика социальных акторов, индивидов как источника социального действия: таким образом, социологическое исследование в конце концов обращается не к изучению объективных координат, которые определяют распределение агентов по социальным классам и противоречия между классами, а к поиску окончательных объяснений, опирающихся на мотивации поведения индивидуальных акторов (р. 70).

В ответ Милибэнд полагает, что Пуланцас

в данном случае довольно односторонен и что он идет слишком далеко, сбрасывая со счетов природу государственной элиты как совсем не стоящей внимания. Ибо его исключительный акцент на «объективных отношениях» предполагает, что все, что ни делает государство в каждой частности и в любое время, целиком определяется этими «объективными отношениями»; другими словами, что структурное давление системы имеет такой абсолютно принуждающий эффект, что превращает государственных деятелей просто в функционеров и исполнителей политики, навязанной им «системой» (Miliband 1970: 57).

Пуланцас, пишет Милибэнд, заменяет «понятием „объективных структур“ и „объективных связей“ понятие „правлящего“ класса», и его анализ ведет «прямо к своего рода структурному детерминизму или, лучше, структурному супердетерминизму, что делает невозможным действительно реалистическое рассмотрение диалектического отношения между государством и „системой“» (р. 57)²⁵.

Первое, что нужно сказать об этой дискуссии: предполагаемая Пуланцасом дихотомия между структур-

²⁵ Дискуссия Пуланцаса и Милибэнда воспроизведена в Ury and Wakeford (eds) 1973. Она была развита Эрнесто Лаклау (Laclau 1975) и продолжена Пуланцасом (Poulantzas 1976).

ным детерминизмом и методологическим индивидуализмом — между его собственной «проблематикой» и проблематикой «социальных акторов, индивидов как источника социального действия» — вводит в заблуждение. Не существует лишь двух возможностей. Это не вопрос о социологическом исследовании, которое «в конце концов обращается» к изучению либо «объективных координат», либо «мотивации поведения индивидуальных акторов». Ясно, что такое исследование должно заниматься комплексными взаимосвязями между тем и другим и учитывать очевидный факт, что индивиды действуют сообща и по отношению друг к другу в рамках групп и организаций и что объяснение их поведения и взаимодействия не может быть сведено просто к их индивидуальным мотивациям.

Второе, что нужно сказать о дискуссии Пуланца и Милибэнда: она ввела чрезвычайно важное концептуальное различие, проведению которого способствует лексикон власти. Использовать словарь власти в контексте социальных отношений значит говорить о человеческих агентах, действующих сообща или порознь, в группах или организациях, посредством действия или недействия, которые оказывают серьезное воздействие на мысли и действия других (в частности, так, что это противоречит их интересам). Говоря таким образом, мы предполагаем, что хотя акторы действуют в рамках структурно определенных границ, они тем не менее обладают некоторой относительной автономией и могут действовать различным образом. Хотя будущее и не вполне открыто, но оно и не вполне закрыто (и, конечно, сама степень его открытости структурно определена)²⁶. Короче говоря, в рамках си-

²⁶ Ср. с Ч. Райтом Миллсом:

«Судьба есть черта социальных структур особого рода; вопрос о том, в какой степени механика судьбы есть механика исторического делания, — это тоже историческая проблема...

стемы, характеризующейся тотальным структурным детерминизмом, вообще нет места для власти.

Конечно, всегда есть и альтернатива — обоснованное переопределение «власти» в терминах структурной детерминации. Этим путем Пуланцас пошел в своей книге «Политическая власть и общественные классы» (Poulantzas 1973 [1968]). Он определяет власть как *«способность общественных классов реализовать свои объективные интересы»* (р. 104) и полагает, что это понимание *«указывает на эффекты, которые структура оказывает на конфликтные отношения между практиками разных „борющихся“ классов. Другими словами, власть не относится к уровням структур, а есть эффект, производимый ансамблем этих уровней...»* (р. 99). Классовые отношения *«на каждом уровне суть властные отношения: власть, однако, есть лишь понятие, указывающее на эффект ансамбля структур, оказываемый на отношения практик разных классов, находящихся в состоянии конфликта»* (р. 101). Однако это концептуальное уподобление власти структурной детерминации просто затемняет принципиальное различие, которое следует про-

В тех обществах, где средства власти являются принудительными и децентрализованными, история есть судьба. Бесчисленные действия бесконечного числа людей изменяют их локальную среду и тем самым постепенно модифицируют структуру общества в целом. Эти модификации — ход истории — происходят за спинами людей. История — это дрейф, хотя в целом „ее творят люди“.

Однако в тех обществах, где средства власти велики по масштабам и централизованы, немногие люди занимают в исторической структуре такое место, что их решения относительно использования средств власти приводят к тому, что они модифицируют структурные условия, в которых живет большинство людей. Ныне такие властные элиты творят историю „в условиях, которые совсем не они выбрали“, но в сравнении с другими людьми и другими периодами человеческой истории эти обстоятельства представляются менее подавляющими» (Mills 1959: 21–22).

водить теоретически и на которое указывает словарь власти. Другими словами, я утверждаю, что идентифицировать некий процесс как «осуществление власти», а не как случай структурной детерминации, значит признать, что *тот или те, кто власть осуществляет*, могут поступать иначе. В случае коллективного осуществления власти со стороны группы или института это означает, что члены группы или института могли организовать дело таким образом, чтобы действовать иначе.

Обоснование этого утверждения и ключ к последним двум трудностям, связанным с идентификацией процесса осуществления власти, лежат в отношении между властью и ответственностью²⁷. Причина, почему обнаружение такого осуществления предполагает представление о том, что тот, кто власть осуществляет, мог бы действовать иначе (а если он не осознает последствий своих действий или недействий, то мог бы выяснить их), состоит в том, что власть есть в то же время и (частичная или полная) ответственность за определенные последствия. Другими словами, обнаружение власти связано с установлением ответственности за последствия, источником которых является действие или недействие определенных агентов. Мы не можем здесь вдаваться в обсуждение понятия ответственности (и проблемы определения коллективной ответственности): это понятие не менее проблематичное и спорное, чем другие понятия, о которых идет речь в данной статье. Также мы не можем дискутировать по поводу теоретической (и не эмпирической?) проблемы определения того, где кончается структурная детерминация и начинаются власть и ответственность. Но в заключение стоит отметить, что Райт Миллс касался отношений между этими понятиями, о которых я говорю, когда проводил различие между судьбой и властью. Его «социологическая

²⁷ См. об этом: Connolly 1983.

концепция судьбы», как он пишет, касается «исторических событий, не подвластных никаким группам или группам людей, которые: 1) достаточно компактны для идентификации; 2) обладают властью, достаточной для принятия решений, которые могут иметь последствия; 3) в состоянии предвидеть эти последствия и таким образом нести ответственность за них. В соответствии с этой концепцией, события есть итог и непреднамеренный результат неисчислимого количества действий огромного числа людей» (Mills 1959: 21; Миллс 2001: 206). Он склонен приписывать власть тем, кто занимает стратегические позиции и может инициировать перемены в интересах широких сегментов общества, однако не делает этого, и он утверждает, что «ныне будет социологически реалистичным, морально справедливым и политически императивным выдвигать требования людям власти и считать их ответственными за ход событий» (р. 100).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одномерный взгляд на власть предлагает ясную парадигму бихевиоралистского изучения власти как принятия решений политическими акторами, но он неизбежно принимает пристрастия исследуемой политической системы и остается слепым к тому, как контролируется ее политическая повестка. Двумерный взгляд указывает путь для изучения этих пристрастий и этого контроля, но понимает их чересчур узко: словом, ему недостает социологической перспективы, в которой можно было бы исследовать не только принятие и непринятие решений, но также и различные способы подавления латентных конфликтов, существующих внутри общества. Такое исследование сталкивается с рядом серьезных трудностей.

Трудности эти серьезны, но не непреодолимы. Они никоим образом не требуют от нас отнесения трехмерного взгляда на власть просто к области метафизиче-

ского или идеологического. Я считаю, что более глубокий анализ властных отношений возможен — анализ, который в одно и то же время является ценностным, теоретическим и эмпирическим²⁸. Пессимистическое отношение к возможности такого анализа неоправданно. Как отметил Фрей (Frey 1971: 1095), такой пессимизм — это то же самое, что сказать: «Зачем позволять вещам быть трудными, если, приложив небольшое усилие, мы можем сделать их невозможными?»

²⁸ Хорошим примером такого анализа служит: Gaventa 1980.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

СТИВЕН ЛЬЮКС

**ВЛАСТЬ:
РАДИКАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД**

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА

Редактор
НАТАЛИЯ СЕЛИНА

Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Верстка
ДМИТРИЙ КАШКИН

Корректор
ЕЛЕНА ЦЫПИЛЕВА

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 02.12.2009. Формат 84×108/32
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,1
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. №1091. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография „Наука“»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6

ISBN: 978-5-7598-0738-4

